

ЛАЙЗА ДЖЕНОВА

ВСЁ

ЕЩЁ

ЭЛИС

Это история, рассказать которую было просто необходимо.

New York Times

Лайза Дженова

Все еще Элис

«Азбука-Аттикус»

2007, 2009, 2019

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Дженова Л.

Все еще Элис / Л. Дженова — «Азбука-Аттикус», 2007, 2009,
2019

ISBN 978-5-389-19374-1

Элис, профессор лингвистики в Гарварде, сделала блестящую карьеру, пользуется уважением коллег и студентов. Кроме того, она любящая жена и мать троих взрослых детей. Она в отличной физической форме, полна планов и надежд. И вот на пике своей жизненной активности Элис начинает замечать, что у нее случаются провалы в памяти, возникают трудности с ориентацией в пространстве. Невролог ставит страшный диагноз... Не желая смириться со своей болезнью, Элис ведет яростную битву за память, мысли, воспоминания, за своих любимых и близких... В одноименном фильме, снятом по роману «Все ещё Элис», главные роли исполнили Алек Болдуин и Джулианна Мур, которая за свою работу в этой картине была удостоена множества наград, в том числе премии «Оскар». Ранее книга выходила под названием «Навеки Элис».

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-19374-1

© Дженова Л., 2007, 2009, 2019
© Азбука-Аттикус, 2007, 2009, 2019

Содержание

Сентябрь 2003 года	6
Октябрь 2003 года	18
Ноябрь 2003 года	23
Декабрь 2003 года	29
Январь 2004 года	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Лайза Дженова

Все ещё Элис

Lisa Genova

Still Alice

Copyright © 2007, 2009, 2019 by Lisa Genova

© И. Б. Русакова, перевод, 2012

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус», 2021

Издательство Иностранка®

Памяти Энджи Элене

Еще тогда, более года назад, в ее голове задыхались нейроны – их предсмертных криков она не слышала, хоть они и раздавались совсем недалеко от ее ушей. Кто-то возьмется объяснить: недуг этот столь коварен, что сами нейроны и дали толчок роковым событиям, неуклонно разрушая самое себя. Было это молекулярным убийством или клеточным самоубийством – не так уж важно. В любом случае они не смогли бы предупредить ее о своей гибели.

Сентябрь 2003 года

Элис сидела за своим столом в спальне, а на первом этаже метался из комнаты в комнату Джон, и его беготня не давала ей сосредоточиться. Прежде чем улететь, Элис должна была закончить экспертную оценку статьи для «Джурнал оф когнитив сайколеджи». Она только что в третий раз прочитала предложение, но так и не поняла его смысла. Будильник – Элис знала, что он спешит минут на десять, – показывал 7:30. Судя по тому, сколько было времени, и по усиливающемуся шуму на первом этаже, Джону пора уходить, но он не может вспомнить, куда положил какую-то вещь, и до сих пор ее не нашел. Глядя на цифры на будильнике, Элис постукивала красным карандашом по нижней губе и готовилась услышать неизбежное.

– Эли!

Она бросила карандаш на стол и вздохнула. Спустившись вниз, Элис обнаружила мужа в гостиной, он стоял на коленях возле дивана и шарил под подушками.

– Ключи? – спросила она.

– Очки. Только, пожалуйста, не читай мне нотаций, я опаздываю.

Элис проследила за его взглядом до каминной полки, где хваленые антикварные часы «Уолтем» показывали 8:00. Когда-то она искренне верила тому, что они показывают, но со временем стала полагаться только на те часы, что носила на руке. Как и следовало ожидать, в кухне она вернулась назад во времени, так как часы на микроволновке настаивали, что еще только 6:52.

Элис окинула взглядом гладкую, ничем не заставленную гранитную столешницу – там, рядом с вазой, заваленной нераспечатанными письмами, они и лежали. Ничем не прикрытые, прямо на виду. Как он мог, такой умный, такой образованный, не заметить то, что лежит у него под носом?

Конечно, у многих ее вещей тоже была дурная привычка прятаться от хозяйки в самых странных местах. Но Элис не признавалась в этом мужу и никогда не привлекала его к поискам. Буквально на днях Джону повезло: он не знал, что она все утро судорожно искала сначала дома, а потом в офисе зарядное устройство от своего наладонника «блэкберри». В конце концов она сдалась, пошла в магазин и купила новую зарядку, а потом обнаружила, что «потерянная» торчит в розетке возле кровати, то есть там, где ее и следовало искать в первую очередь. Наверное, такие случаи можно было объяснить тем, что они оба привыкли делать сразу несколько дел, будучи очень занятыми людьми. И с годами не становились моложе.

Джон стоял в дверях и смотрел не на Элис, а на свои очки, которые она держала в руке.

– В следующий раз, когда будешь искать, попробуй притвориться женщиной, – посоветовала Элис.

– Надену какую-нибудь из твоих юбок. Эли, пожалуйста, я действительно опаздываю.

– Микроволновка утверждает, что у тебя еще куча времени, – заметила Элис, передавая ему очки.

– Спасибо.

Джон схватил их, как эстафетную палочку, и устремился к парадной двери.

Элис пошла следом.

– Ты будешь дома в субботу, когда я вернусь? – спросила она его спину, удаляющуюся по коридору.

– Не знаю, в субботу в лаборатории работы будет по горло.

Он торопливо собирал со стола в прихожей портфель, телефон и ключи.

– Удачно тебе съездить. Поцелуй за меня Лидию и постарайся с ней не ссориться.

Элис мельком увидела их отражение в зеркале: высокий, хорошо сложенный мужчина, шатен с проседью, в очках; миниатюрная женщина с вьющимися волосами, скрестившая руки

на груди. Оба готовы броситься, как в омут, в привычную перепалку. Элис скрипнула зубами и решила воздержаться от прыжка.

– В последнее время мы почти не видимся. Пожалуйста, постарайся быть дома, когда я приеду, хорошо? – попросила она.

– Да, знаю, я постараюсь.

Он поцеловал ее и, несмотря на то что уже очень спешил, на какой-то едва уловимый миг продлил поцелуй. Если бы Элис не знала его так хорошо, она могла бы добавить романтики моменту. Замереть на пороге и представить, что этим поцелуем он хотел сказать: «Люблю тебя и буду скучать».

Но, наблюдая, как торопливо он идет по улице, удаляясь от дома, она прекрасно понимала, что он только что сказал: «Я тебя люблю, но, пожалуйста, не психуй, если в субботу не застанешь меня дома».

Раньше каждое утро они шли до парка Гарвард-Ярда вместе. Работать в одной миле от дома и в одном университете с мужем – уже счастье, но больше всего Элис ценила эту дорогу на работу. Они всегда делали остановку в кафе «У Джерри» – черный кофе для Джона, чай с лимоном (холодный или горячий в зависимости от времени года) для нее – и шли дальше к Гарвард-Ярду. Разговаривали о том, над чем сейчас работают, о группах, факультетах, студентах и строили планы на вечер. Первое время, когда Элис и Джон только поженились, они даже держались за руки. Она наслаждалась этой близостью во время каждой утренней прогулки. Но после целого дня напряженной работы, когда ради заветной цели приходилось решать множество повседневных задач, они становились измотанными и раздраженными.

Правда, с недавних пор Джон и Элис стали уходить на работу в Гарвард каждый сам по себе. Все лето Элис провела на чемоданах из-за конференций по психологии в Риме, Нью-Орлеане, Майами и необходимости присутствовать на защите диссертаций в Принстоне. Прошлой весной клеточные культуры, которыми занимался Джон, каждое утро требовали «прополаскивания». Он не мог доверить эту процедуру ни одному из студентов, поэтому делал все сам. Элис не могла припомнить, как и почему случилось, что они почти перестали видеться, но всякий раз причины казались ей очевидными, и ее не пугало то, что находились они постоянно.

Элис вернулась к работе над статьей. Она по-прежнему не могла сосредоточиться, на этот раз из-за несостоявшейся схватки с Джоном по поводу их младшей дочери Лидии. Неужели хоть раз встать на ее сторону для него смерти подобно? Конец статьи, несмотря на ее обычное стремление к совершенству, Элис проработала довольно небрежно. Но из-за нехватки времени и невозможности сосредоточиться иначе и быть не могло. Элис заклеила конверт, куда вложила свои комментарии и поправки, испытывая при этом угрызения совести: она вполне могла пропустить ошибку в построении статьи или неправильно употребленный термин. Это все Джон, он помешал ей работать.

Потом она заново упаковала чемодан, который и не был толком распакован после последней поездки. В ближайшие месяцы Элис рассчитывала реже уезжать из дома. В ее расписании на осенний семестр было всего несколько приглашений приехать с лекциями, и почти все она запланировала на пятницу, свободный от преподавания день. Пятница как раз завтра. В качестве приглашенного преподавателя она начнет вести коллоквиумы по когнитивной психологии в Стэнфорде. А потом повидается с Лидией. И постарается с ней не поссориться, впрочем, это трудно обещать.

Стэнфордский Кордура-Холл Элис нашла быстро: он находится на углу Кампус-драйв и Панама-драйв. Для Элис, которая привыкла к пейзажам Восточного побережья, это здание с белыми оштукатуренными стенами и красной черепичной крышей, сочная зелень вокруг ассоциировались скорее с курортом на Карибах, чем с университетскими корпусами. Приехала

она довольно рано, но, прикинув, что еще успеет посидеть в пустой аудитории и просмотреть подготовленную речь, поспешила войти в здание.

Элис ждал сюрприз – она оказалась в гуще людей, столпившихся у буфета и набрасывающихся на еду, как чайки на городском пляже. Элис не успела незаметно проскользнуть в аудиторию – прямо перед ней возник Джош, бывший ее однокурсник по Гарварду, самовлюбленный осел. Он стоял на пути Элис, словно приготовившись к схватке.

– Это все в мою честь? – игриво поинтересовалась она.

– Да нет, у нас такое каждый день. Сегодня – в честь одного из преподавателей, его вчера зачислили в штат. Ну а тебя Гарвард балует?

– Более или менее.

– Не могу поверить, что после стольких лет ты все еще там работаешь. Когда тебе там наконец надоест, перебирайся к нам.

– Как надумаю, дам знать. А у тебя как дела?

– Лучше не бывает. Загляни после лекции в мой офис. Оценишь результаты наших последних исследований. У тебя голова закружится.

Элис очень обрадовалась, что у нее есть уважительная причина для отказа.

– Извини, но не смогу, должна успеть на рейс в Лос-Анджелес, – сказала она.

– Очень жаль. В последний раз мы, кажется, виделись на конференции по психоэкономике. К несчастью, я тогда пропустил твою презентацию.

– Что ж, сегодня у тебя будет возможность услышать часть из нее.

– Ха! Прокручиваешь по второму разу?

Элис не успела ответить, ее выручил Гордон Миллер, заведующий кафедрой и новое светило по совместительству: он неожиданно налетел на них и попросил Джоша помочь разнести шампанское. Как и в Гарварде, на кафедре психологии в Стэнфорде существовала традиция поднимать бокал шампанского в честь преподавателя, который достиг желанной ступени в своей карьере и получил бессрочный контракт. Обычно об очередном продвижении профессора по карьерной лестнице не слишком трубят, но бессрочный контракт того стоит.

Когда в зале не осталось ни одного человека без бокала с шампанским, Гордон поднялся на кафедру и постучал по микрофону.

– Могу я попросить минуту вашего внимания? – спросил он.

В притихшей аудитории, прежде чем Гордон продолжил, раздался слишком громкий отрывистый смех Джоша.

– Сегодня мы поздравляем Марка с получением постоянной должности. Уверен, сейчас он глубоко взволнован. Этот бокал я поднимаю за достижения, которые ждут его впереди. За Марка!

– За Марка!

Элис чокнулась с теми, кто был рядом, и в ту же минуту все вернулись к своим прежним занятиям – еде, алкоголю и разговорам. Когда с подносов смели последние закуски и опустошили последнюю бутылку, Гордон снова взял слово.

– Если все сядут, мы сможем начать.

Он подождал, пока около восьмидесяти человек сели и воцарилась тишина.

– Сегодня я имею честь представить вам нашего первого приглашенного лектора в этом году. Доктор Элис Хауленд – ведущий профессор психологии Гарвардского университета, представляющий школу Уильяма Джеймса. За свою более чем двадцатипятилетнюю безупречную карьеру она генерировала множество передовых идей в психолингвистике. Доктор Элис Хауленд является первооткрывателем в интегрированных и междисциплинарных подходах к изучению механизмов языка. Сегодня нам посчастливится услышать ее лекцию о смысловой и нервной организации языка.

Элис заняла место Гордона и оглядела аудиторию, которая, в свою очередь, разглядывала ее. Ожидая, пока стихнут аплодисменты, она вспомнила статистические данные, согласно которым люди боятся публичных выступлений больше смерти. А она любила выступать перед аудиторией. Ей доставляли радость контакт со слушателями в процессе обучения, изложение материала, возможность увлечь аудиторию, втянуть в дискуссию. И еще она любила ощущать выброс адреналина. Чем выше были ставки, чем искушеннее или враждебнее оказывалась аудитория, тем больше Элис волновал подобный опыт. Джон был превосходным преподавателем, но выступления перед аудиторией были для него скорее мучением. Он восхищался тем энтузиазмом, который испытывала Элис, готовясь к лекциям. Конечно, публичных выступлений он боялся меньше, чем смерти, но больше, чем пауков или змей.

– Благодарю, Гордон. Сегодня я собираюсь поговорить о ментальных процессах, которые лежат в основе овладения языком, его организации и использования.

Элис прочитала бесконечное количество лекций на эту тему, однако не стала бы называть это «прокруткой по второму разу». В основе лекции лежали лингвистические принципы, многие открыла она сама и годами пользовалась одним и тем же набором слайдов, но не стыдилась этого и не считала, что ее можно упрекнуть в лени, наоборот, гордилась тем, что ее открытия выдержали испытание временем. Лекции и статьи Элис давали импульс дальнейшим исследованиям. К тому же она сама принимала в них участие.

Элис не нужно было заглядывать в свои записи, она говорила легко и свободно. И вдруг, где-то между сороковой и сорок пятой минутой лекции, вдруг забуксовала.

– Эти данные показывают, что неправильные глаголы требуют доступа к ментальному...

Она просто не могла найти нужное слово. Смысл того, что надо сказать, Элис не потеряла, но слово от нее ускользнуло. Она не знала, с какой буквы оно начинается и сколько в нем слогов. Это слово не вертелось у нее на языке.

Может, все дело в шампанском. Обычно Элис никогда не употребляла алкоголь перед выступлением. Даже если лекция проходила в самой непринужденной обстановке и Элис знала наизуток то, о чем собиралась говорить, она предпочитала сохранять ясность ума, прежде всего для успешного окончания лекции. В конце ее выступления могла возникнуть дискуссия, и Элис всегда была готова ответить на вопросы. Но в этот раз она не хотела никого обидеть, а схлестнувшись с Джошем, выпила чуть больше, чем следовало.

А может, это было следствием перелета. Пока ее разум отыскивал в собственных закоулках нужное слово и докапывался до причины его потери, сердце Элис билось все глуше, кровь прилила к лицу. Прежде она никогда не сбивалась на публике. Но и не паниковала во время лекции, а ведь ей приходилось выступать и перед более многочисленной и агрессивно настроенной аудиторией, чем эта.

Элис приказала себе дышать ровно, забыть обо всем и двигаться дальше.

Она подставила вместо потерянного слова неопределенное и неуместное «вещь» и перешла к следующему слайду. Возникшая пауза показалась ей вечностью, но, бросив взгляд на слушателей, она не заметила ни одного встревоженного или раздраженного лица. Потом она увидела Джоша, он перешептывался с сидящей рядом женщиной, и по его лицу блуждала улыбка.

Самолет шел на посадку в международном аэропорту Лос-Анджелеса, когда нужное слово наконец вернулось.

Лексикон.

Лидия жила в Лос-Анджелесе уже три года. Если бы она сразу после окончания старшей школы пошла в колледж, то этой весной уже получила бы диплом. И тогда Элис очень бы ею

гордилась. Лидия, как казалось Элис, была умнее двух ее старших детей, а оба они поступили в колледж. Один в юридический, второй в медицинский.

Вместо этого Лидия предпочла отправиться в Европу. Элис надеялась, что дочь вернется домой, определившись, чем хочет заниматься и в каком колледже получать знания. Но Лидия не оправдала ее надежд. Вернувшись, она сообщила родителям, что влюбилась, пока жила в Дублине и училась актерскому ремеслу. И сразу же отправилась в Лос-Анджелес.

Элис чуть с ума не сошла. Особенно невыносимо было то, что она внесла свой вклад в то, что произошло. Дело в том, что Лидия была младшей из трех детей, родители которых работали и постоянно были в разъездах. Она всегда хорошо училась, и Элис с Джоном уделяли ей не так уж много внимания и мало в чем ограничивали. Лидия, в отличие от большинства детей ее возраста, могла сама принимать решения, никто не подвергал ее тотальному контролю. Карьера родителей служила блестящим примером того, что можно достичь многого, если ставить перед собой высокие цели и делать все возможное для их достижения. Лидия понимала, что мама права, когда говорит, как важно закончить колледж, но у нее хватило силы воли и смелости отказаться от этой идеи.

К тому же Лидия была не одинока. Самый горячий спор между Элис и Джоном состоялся после того, как он опустил свои два цента в копилку Лидии.

– Я считаю, что ничего плохого в этом нет. К тому же она всегда сможет поступить в колледж, если, конечно, захочет.

Это прозвучало примерно так.

Элис уточнила адрес в своем «блэкберри» и позвонила в квартиру номер семь, подождала, приготовилась еще раз нажать на кнопку звонка, и тут Лидия открыла дверь.

– Мам, я не ждала тебя так рано, – сказала она.

Элис сверилась с часами.

– Я прибыла минута в минуту.

– Ты говорила, самолет прилетает в восемь.

– Я говорила – в пять.

– У меня в ежедневнике записано: восемь.

– Лидия, сейчас пять сорок пять, и я здесь, стою перед тобой.

Лидия заметалась, как белка на шоссе.

– Извини, входи.

Перед тем как обняться, они помедлили, словно разучивали новый танец и еще не были уверены, каким должен быть первый шаг и кто поведет. Или, наоборот, они так давно не исполняли этот танец, что забыли, как это делается.

Элис почувствовала под блузкой Лидии ребра и позвоночник, дочь сильно похудела и весила футов на десять меньше, чем тогда, когда они виделись в последний раз. Элис хотелось верить, что это результат активного образа жизни, а не сознательного недоедания. Блондинка пять футов и шесть дюймов ростом, на три дюйма выше Элис, Лидия выделялась среди невысоких женщин итальянского и азиатского типа, которых в Кембридже было большинство, но на кастингах в Лос-Анджелесе таких, как она, наверняка пруд пруди.

– Я заказала столик на девять. Подожди здесь, я быстро.

Элис вытянула шею и из коридора обследовала кухню и гостиную. Мебель была, по видимому, куплена на распродажах домашних вещей – оранжевый секционный диван, старинный кофейный столик и кухонный гарнитур в духе «Семейки Брэди»¹. Белые стены абсолютно голые, если не считать постер с Марлоном Брандо над диваном. И стойкий запах «Уиндекса», как будто Лидия перед самым приездом Элис делала уборку.

¹ Популярный сериал 1969–1974 годов о семье Майка и Кэрл Брэди. У них шестеро детей, и у каждого – свои проблемы. Полноправным членом семьи является также экономка Элис. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Вообще-то, в квартире было слишком уж прибрано. Ни разбросанных по комнате DVD- или CD-дисков, на кофейном столике ни книг, ни журналов, никаких наклеек на холодильнике, ни одного намека на эстетические пристрастия Лидии. В этой квартире мог жить кто угодно. А потом Элис заметила слева у входной двери груду мужской обуви.

– Расскажи, с кем ты снимаешь квартиру, – попросила она, когда Лидия вернулась из своей комнаты с мобильным телефоном в руке.

– Они на работе.

– А что за работа?

– Один работает за стойкой, второй доставляет еду.

– Я думала, они оба актеры.

– Так и есть.

– Понимаю. Напомни, как их зовут?

– Дуг и Малкольм.

Лидия на секунду вспыхнула, когда произнесла имя Малкольма, но Элис заметила. Лидия это поняла и быстро отвела глаза.

– Что мы стоим? В ресторане сказали, что можно прийти пораньше, – сказала она.

– Отлично, только я сначала зайду в ванную.

Намыливая руки, Элис рассматривала то, что стояло на тумбочке рядом с раковиной: лосьон и увлажняющий крем «Неутрогена», мятная зубная паста «Томс оф мэйн», мужской дезодорант, коробка тампонов «Плейтекс». Она задумалась. Все лето у нее не было менструации. А в мае была? В следующем месяце ей исполнится пятьдесят, так что она не слишком волновалась по этому поводу. Приливов пока не наблюдалось, по ночам не бросало в пот, но ведь не все женщины испытывают подобное во время климакса.

Вытирая руки, она заметила рядом со средствами по уходу за волосами, которые явно принадлежали Лидии, упаковку презервативов «Троян». Она решила побольше узнать об этих соседях дочери по квартире. В особенности о Малкольме.

* * *

Они сели за столик в патио «Айви», модного ресторана в центре Лос-Анджелеса, и заказали «Эспрессо мартини» для Лидии и бокал мерло для Элис.

– Как продвигается папина статья в «Сайнс»? – поинтересовалась Лидия.

Должно быть, она недавно общалась с отцом. Элис в последний раз слышала ее голос по телефону в День матери.

– Закончил и очень гордится своей работой.

– А как Анна и Том?

– Хорошо, очень заняты, много работают. Так как ты познакомилась с Дугом и Малкольмом?

– Как-то вечером они зашли в «Старбакс», была как раз моя смена.

Подошел официант, они заказали обед и напитки. Элис надеялась, что алкоголь снимет напряжение, которое висело в воздухе.

– Так как ты познакомилась с Дугом и Малкольмом? – спросила она.

– Я только что тебе сказала. Почему ты никогда не слушаешь, что я говорю? Они пришли в «Старбакс» и говорили о том, что неплохо бы найти соседа по квартире, а я как раз в это время работала.

– Я думала, ты работаешь официанткой в ресторане.

– Работаю. В «Старбаксе» в будние дни, а в ресторане по субботам.

– Похоже, на актерство у тебя времени почти не остается.

– Я сейчас нигде не занята, но хожу на мастер-классы и собираюсь на прослушивания.

– Что за мастер-классы?

– Там преподают метод Мейснера.

– А прослушивания?

– Телевидение и журналы.

Элис покрутила бокал с вином, сделала последний большой глоток и облизала губы.

– Лидия, а в целом какие у тебя планы?

– Я не планирую останавливаться на достигнутом, если ты об этом спрашиваешь.

Алкоголь возымел свое действие, но не то, на которое рассчитывала Элис, а наоборот: атмосфера начала накаляться, как всегда.

– Ты не можешь прожить так всю жизнь. Ты и в тридцать лет собираешься подавать кофе в «Старбаксе»?

– До тридцати мне еще целых восемь лет! Ты сама знаешь, что будешь делать через восемь лет?

– Да, знаю. В какой-то момент тебе не помешает стать платежеспособной, чтобы позволить себе такие вещи, как, например, медицинская страховка, кредит, пенсия...

– У меня есть медицинская страховка. И я могу начать зарабатывать как актриса. Многие люди так зарабатывают, знаешь, и гораздо больше, чем ты и папа, вместе взятые.

– Дело не только в деньгах.

– Тогда в чем? В том, что я не стала тобой?

– Говори тише.

– Не говори мне, что делать.

– Я не хочу, чтобы ты стала мной, Лидия. Я просто не хочу, чтобы в будущем у тебя не было выбора.

– Ты хочешь сделать выбор за меня.

– Нет.

– Я есть я, и это то, чем я хочу заниматься.

– Чем? Подавать в кофейне латте венто? Твое место в колледже. Эту часть жизни ты должна посвятить тому, чтобы научиться чему-нибудь.

– Но я учусь! Просто не сажу в какой-нибудь гарвардской аудитории и не извожу себя, пытаюсь получить «А» по политологии. Я пятнадцать часов в неделю занимаюсь в серьезных классах по актерскому мастерству. Сколько часов в неделю занимаются твои студенты, двенадцать?

– Это не одно и то же.

– А вот папа думает иначе. Он за них платит.

Элис вцепилась в подол юбки и поджала губы. То, что ей захотелось сказать, было предназначено не для Лидиных ушей.

– Ты даже ни разу не видела меня на сцене.

Джон видел. Прошлой зимой он летал в Лос-Анджелес, чтобы посмотреть на нее в какой-то постановке. Элис не смогла выкроить время, у нее была масса неотложных дел. Но сейчас, глядя в полные боли глаза Лидии, она не могла вспомнить, что это были за дела. Элис была совсем не против актерской карьеры, но считала, что стремление дочери стать актрисой и нежелание получить образование в какой-нибудь другой области граничит с безответственностью. Если сейчас она не поступит в колледж и не получит диплом, то чем будет заниматься, если затея с актерством не удастся?

Элис подумала о презервативах, которые видела в ванной комнате. Что, если Лидия забеременеет? Она боялась, что в один прекрасный день Лидия обнаружит, что ее жизнь – цепочка несбывшихся надежд. Она смотрела на дочь и думала о впустую растроченном потенциале и зря потерянном времени.

– Ты не становишься моложе, Лидия. Жизнь проходит слишком быстро.

– Согласна.

Принесли заказанные блюда, но ни Лидия, ни Элис не прикоснулись к приборам. Лидия промокнула глаза льняной салфеткой с ручной вышивкой. Их разговоры всегда заканчивались ссорой, для Элис это было все равно что биться лбом о бетонную стену. Эти стычки не могли быть продуктивными, они умножали потери и, кроме боли, ничего не приносили. Ей хотелось, чтобы Лидия поняла, что она ее любит и желает только хорошего. Хотелось потянуться через стол и обнять дочь, но мешали все эти тарелки, бокалы... и прожитые врозь годы.

Внезапная суета у соседнего столика заставила Элис и Лидию отвлечься друг от друга. Блеснули вспышками фотокамеры, посетители и персонал ресторана смотрели на женщину, которая была чем-то похожа на Лидию.

– Кто это? – спросила Элис.

– Мам! – сказала Лидия с интонацией, которой она владела с тринадцати лет, – смесь смущения и чувства превосходства. – Это Дженнифер Энистон.

Они обедали и говорили на безобидные темы вроде еды и погоды. Элис хотелось что-нибудь узнать об отношениях Лидии и Малкольма, но она боялась затеять очередную ссору. Она заплатила по счету, и они вышли из ресторана, сытые, но неудовлетворенные.

– Мэм, простите!

Официант догнал их уже на тротуаре.

– Вы оставили это.

Элис опешила, не понимая, как у него оказался ее «блэкберри». В ресторане она не проверяла электронную почту и не заглядывала в календарь. Элис порылась в сумочке, «блэкберри» в ней не было. Должно быть, она выложила его, когда доставала бумажник, чтобы расплатиться.

– Спасибо.

Лидия с недоумением посмотрела на мать, словно хотела сказать о чем-то не связанном с погодой или кулинарией, но передумала. В ее квартиру они возвращались в молчании.

– Джон?

Элис остановилась в прихожей и ждала, не выпуская ручку чемодана. Прямо перед ней, на полу, на груде нераспечатанной почты лежал «Гарвард мэгэзин». В гостиной тикали часы, на кухне гудел холодильник. За спиной Элис остался теплый летний день, а в сумрачном, словно опустевшем доме воздух был холодный и спертый.

Она собрала с пола почту и прошла в кухню, а за ней, как преданный щенок или котенок, следовал чемодан на колесиках. Ее рейс задержали, и, даже если верить микроволновке, она вернулась домой позже, чем планировала. У него для работы был целый день. Целая суббота.

Красная лампочка голосовой почты на автоответчике не мигала. Элис проверила холодильник. Ни одной записки на дверце. Ничего.

Так и не отпустив ручку чемодана, она стояла в кухне и смотрела на убегающие вперед часы микроволновки. Огорченный, но великодушный голос в ее мозгу перешел в шепот, а более приземленный становился все громче. Она подумала было позвонить мужу, но второй голос отверг эту идею и не принял никаких оправданий. Она подумала, что, может, и не стоит беспокоиться, но голос нарастал где-то внутри, будто эхом отдаваясь в животе, вибрируя в кончиках пальцев, так что на него трудно было не обращать внимания.

Почему это ее так беспокоит? Он проводит эксперимент и не может бросить все и пойти домой. Она сама бесчисленное количество раз была в такой ситуации. Такая у них работа. Они просто такие. Внутренний голос назвал ее идиоткой.

Элис заметила у задней двери свои кроссовки. Пробежка может пойти на пользу. Это то, что ей сейчас нужно.

Когда получалось, Элис бегала каждый день. Уже много лет пробежка была для нее такой же необходимостью, как еда или сон. Она могла выйти на пробежку среди ночи или в метель. Но последние несколько месяцев пренебрегала этой потребностью. Была слишком занята. Зашнуровывая кроссовки, Элис сказала себе, что не взяла их с собой в Калифорнию, потому что знала, что там времени на пробежки у нее не будет. На самом деле она просто забыла положить их в чемодан.

Стартовав от своего дома на Поплар-стрит, Элис всегда следовала по одному и тому же маршруту: по Массачусетс-авеню через Гарвард-сквер до Мемориал-драйв, потом вдоль реки Чарльз к Гарвардскому мосту, а там через территорию Массачусетского технологического университета и обратно. Маршрут был проложен по кругу – немногим больше пяти миль, сорок пять минут. Она давно заразилась идеей принять участие в Бостонском марафоне, но каждый год, поразмыслив, приходила к выводу, что у нее нет времени на тренировки для забега на такую дистанцию. Может быть, когда-нибудь она сможет себе это позволить. Будучи в отличной физической форме для женщины ее возраста, Элис не сомневалась, что и на шестом десятке будет неплохой бегуньей.

Первый отрезок ее пути – через Гарвард-сквер – лежал сквозь толпы людей на тротуаре и пешеходные переходы. Все ждали субботнего вечера: толпились у светофоров в ожидании зеленого сигнала и у ресторанов – в ожидании освободившегося столика, выстраивались в очередь за билетами в кинотеатры, останавливали машины возле платных стоянок в надежде на свободное место, что было маловероятно. Первые десять минут, чтобы преодолеть все эти препятствия, Элис приходилось постоянно думать о том, что ее окружает. Но как только она пересекла Мемориал-драйв и оказалась на набережной реки Чарльз, все изменилось: теперь бежать стало проще. Безоблачный вечер привлек сюда множество народа, но все же на поросшей травой набережной было не так тесно, как на улицах Кембриджа. Непрерывный поток бегунов, собак и их хозяев, любителей покататься на роликах, велосипедистов, празднично шатающихся зевак и женщин, толкающих перед собой джоггеры², как опытный водитель на хорошо знакомой дороге... Теперь все это лишь отчасти занимало Элис. Она бежала вдоль реки и просто слушала, как кроссовки в синкопированном ритме с ее дыханием шлепают по мостовой. Она не проигрывала в уме свою ссору с Лидией, не слышала, как урчит у нее в желудке, не думала о Джоне. Она просто бежала.

Как было заведено, Элис перестала бежать, как только оказалась на граничащих с Мемориал-драйв аккуратных газонах парка Джона Фицджеральда Кеннеди. В голове у нее прояснилось, мышцы приятно расслабились, и дальше она пошла пешком. Парк соединялся с Гарвард-сквер чудесной аллеей со скамейками по обе стороны, она шла между отелем «Чарльз» и Институтом государственного управления имени Кеннеди.

Миновав аллею, Элис остановилась на пересечении Элиот-стрит и Браттл-стрит и уже собралась перейти дорогу, как вдруг какая-то женщина с пугающей решительностью схватила ее за руку.

– Думала ли ты сегодня о Царствии Небесном?

Женщина не отрываясь смотрела на Элис, ее длинные волосы и по цвету, и по состоянию напоминали мочалку фирмы «Брийо», а на груди болтался плакат со сделанной от руки надписью: «Америка, покайся, вернись к Христу». На Гарвард-сквер всегда кто-нибудь агитировал за Господа, но никто еще никогда не обращался к Элис вот так, напрямую.

– Простите, – сказала она и, воспользовавшись тем, что как раз в эту минуту не было машин, перебежала на другую сторону улицы.

² *Джоггер* – детская коляска, которую толкают перед собой на пробежке. Джоггерами также называют любителей бега трусцой.

Элис хотела идти дальше, но вместо этого замерла как вкопанная. Она не понимала, где находится. Элис оглянулась. Женщина с мочалкой «Брийо» на голове устремилась по аллее за очередным грешником. Аллея, отель, магазины, странное пересечение улиц. Она осознавала, что стоит на Гарвард-сквер, но не знала, в какой стороне ее дом.

Элис сосредоточилась и попробовала сориентироваться. Отель, «Истерн маунтин спортс», «Диксон бразерс. Хозяйственные товары», Маунт-Оберн-стрит. Она хорошо знала эти места: Гарвард-сквер был ее любимым местом больше двадцати пяти лет, но сейчас почему-то не могла понять, в какой стороне относительно всех этих ориентиров находится ее дом. Черно-белый знак «Т» в круге прямо перед ней указывал на въезд в подземную красную линию для поездов и автобусов, но на площади было три таких знака, и она представления не имела, какой из них ей нужен.

Сердце заколотилось, Элис взмокла. Она сказала себе, что учащенный пульс и испарина – естественные и ожидаемые следствия пробежки. Но когда просто стоишь на тротуаре, это скорее похоже на панику.

Элис заставила себя пройти квартал, потом еще один, ей казалось, что ноги стали резиновыми и могут отказаться служить ей в любую минуту этого бесцельного блуждания. «Куп», «Кардулос», магазины на углу, через дорогу – Центр гостей Кембриджа, а за ним Гарвард-Ярд. Элис сказала себе, что она в состоянии прочесть вывески и разобраться. Не помогло. Контекст отсутствовал.

Люди, машины, автобусы и самые разные непереносимые звуки обрушивались на нее, обтекали и уносились дальше. Элис закрыла глаза. Она слышала, как сердце гонит кровь по телу и пульс стучит в ушах.

– Пожалуйста, пусть это закончится, – прошептала она и открыла глаза.

Все вокруг со скоростью удара хлыста встало точно на свое место. «Куп», «Кардулос», «Найнис корнер», Гарвард-Ярд. Элис не задумываясь поняла, что ей надо дойти до угла, повернуть налево и идти на запад по Массачусетс-авеню. Дышать стало легче: она знала дорогу домой. Но еще мгновение назад невероятным образом потерялась в миле от дома. Элис пошла как можно быстрее, только чтобы не бежать.

Она свернула на свою улицу – тихую трехполосную дорогу в жилом районе всего в трех кварталах от Массачусетс-авеню. В двух шагах от дома Элис почувствовала себя гораздо увереннее, но все же стопроцентного чувства защищенности не было. Не спуская глаз с двери своего дома, она шла вперед и обещала себе, что, как только войдет в прихожую и увидит Джона, все страхи и тревоги, которые заполнили ее и грозили вырваться наружу, исчезнут. Если только Джон дома.

– Джон?

Он появился на пороге кухни: небритый, очки на всклоченной шевелюре, как и полагается «чокнутому профессору», в его «счастливой» серой футболке, с фруктовым мороженым в руке. Всю ночь провел на ногах. Как Элис и надеялась, все ее страхи пошли на убыль. Но с ними уходили уверенность в своих силах и оптимизм, и, ослабевшей и беззащитной, ей захотелось упасть в объятия мужа.

– Привет, а я-то думаю, куда ты подевалась. Как раз собирался оставить тебе записку на холодильнике. Как все прошло?

– Что именно?

– Стэнфорд.

– Ах это... Хорошо.

– А как Лидия?

Ощущение, что тебя предали, обида на Лидию и досада на Джона за то, что его не оказалось дома, когда она вернулась, испарились после пробежки. Их сменил ужас – оттого, что она

непостижимым образом потерялась в хорошо знакомом месте. Но теперь обиды снова вышли на первый план.

– Тебе лучше знать.

– Вы, девочки, поругались.

– Ты оплачиваешь ее актерские курсы? – спросила Элис обвиняющим тоном.

– Ох, – вздохнул он и облизал палочку от мороженого. – Послушай, мы можем поговорить об этом позже? Сейчас у меня просто нет времени.

– Найди время, Джон. Ты поддерживаешь ее в Лос-Анджелесе, даже не поставив меня в известность. Я возвращаюсь, а тебя нет дома и...

– И тебя не было дома, когда вернулся я. Как пробежка?

В его словах был здравый смысл. Если бы она его дождалась, позвонила ему, если бы не решила отправиться на пробежку, то этот час они провели бы вместе. Пришлось смириться.

– Отлично.

– Прости, я ждал сколько мог, но сейчас действительно должен идти. День выдался потрясающий, результаты просто блестящие, но мы еще не закончили, и я должен все проанализировать, до того как мы утром продолжим эксперимент. Я заскочил домой, только чтобы с тобой повидаться.

– Мне нужно поговорить с тобой об этом прямо сейчас.

– Эли, у нас есть разногласия по поводу Лидии – это не новость. Ведь это может подождать до моего возвращения?

– Нет.

– Хочешь пройтись со мной и поговорить по дороге?

– Я не собираюсь на работу, мне нужно побыть дома.

– Тебе нужно поговорить именно сейчас, тебе нужно побыть дома, ни с того ни с сего ты вдруг стала нуждающейся. С чего бы это?

Определение «нуждающаяся» задело Элис. Это означало: слабая, зависимая, с отклонениями. Как отец. Элис еще в детстве дала себе зарок не быть такой, как он.

– Я просто устала как собака.

– Вижу, тебе надо сбавить обороты.

– Это не то, что мне надо.

Джон подождал, пока она разовьет свою мысль, но пауза затянулась.

– Послушай, чем раньше я уйду, тем быстрее вернусь. Отдохни немного, я буду ближе к ночи.

Он поцеловал ее влажную от пота макушку и направился к выходу.

Элис стояла в прихожей, там, где он ее оставил, ей некому было выговориться, некому довериться, и вот теперь она испытала самый настоящий эмоциональный шок от того, что произошло с ней на Гарвард-сквер. Она опустилась на пол, прислонилась к холодной стене и стала смотреть на свои трясущиеся руки, как будто они принадлежали кому-то другому, стараясь выровнять дыхание, как обычно делала на пробежках.

После нескольких минут глубоких вдохов и выдохов она наконец успокоилась и смогла попытаться понять, что с ней случилось. Она вспомнила о «выпавшем» слове на выступлении в Стэнфорде, о пропущенных месячных. Элис встала, открыла свой лэптоп и набрала в поисковике «симптомы менопаузы».

Экран заполнил жуткий список: приливы, потливость по ночам, бессонница, тревожность, головокружение, неровный пульс, склонность к депрессии, раздражительность, перепады настроения, дезориентация в пространстве, растерянность, провалы в памяти.

Дезориентация, растерянность, провалы в памяти. В точку, в точку и еще раз в точку. Элис откинулась на спинку кресла, провела рукой по черным вьющимся волосам и оглядела расставленные на полках книжного шкафа фотографии. Элис – выпускница Гарварда. Элис и

Джон танцуют на собственной свадьбе. Семейные фотографии тех лет, когда дети были маленькими. Свадьба Анны. Она вернулась к списку в компьютере. Это просто естественный для любой женщины переход к следующему возрастному этапу. Миллионы женщин сталкиваются с этим каждый день. Никакой угрозы для жизни. Никаких отклонений от нормы.

Она написала себе записку: назначить время для консультации у врача. Возможно, ей следует пройти курс заместительной гормональной терапии. Элис в последний раз перечитала список симптомов. Раздражительность. Перепады настроения. В разговоре с Джоном бикфорд шнур едва не догорел до конца. Все сходилось. Удовлетворенная, Элис захлопнула лэптоп.

Еще какое-то время она сидела в кабинете, прислушиваясь к своему тихому дому и соседям, которые устроили барбекю, вдыхала запах гамбургеров на гриле. Почему-то ей больше не хотелось есть. Она запила водой таблетку мультивитамина, прочитала несколько статей в «Джорнал оф когнишн» и отправилась спать.

Где-то после полуночи наконец вернулся Джон. Кровать прогнулась под его весом, и это потревожило сон Элис, но только чуть-чуть. Она не пошевелилась, притворившись, что спит. Он не спал ночь, проработал весь день и наверняка был без сил. О Лидии можно поговорить и утром. И она извинится, что была такой обидчивой и неадекватной. Теплая рука Джона легла на ее бедро, он привлек Элис к себе. Ощущая его дыхание на затылке, она заснула. Она была в безопасности.

Октябрь 2003 года

Это было сложно проглотить, – сказала Элис, открывая дверь в свой кабинет.

– Да уж, энчилады были громадные, – с улыбкой сказал Дэн у нее за спиной.

Элис легонько стукнула его по руке блокнотом. Они только что высидели часовой ланч-семинар. Дэн, студент четвертого курса, абсолютно соответствовал стилю Джей Крю: худой, жилистый, с аккуратно подстриженными светлыми волосами и дерзкой улыбкой. Физически он был совсем не похож на Джона, но его чувство юмора и уверенность в себе часто напоминали Элис мужа, когда тот был студентом.

После ряда неудач диссертация Дэна наконец сдвинулась с мертвой точки, и Элис с радостью стала замечать, что он увлекся, и надеялась, что это увлечение перерастет в настоящую страсть. Когда результаты не заставляют себя ждать, исследовательская работа увлечет любого. Фокус в том, чтобы полюбить ее, когда результатов нет и ты не знаешь почему.

– Когда ты едешь в Атланту? – спросила Элис, пока они рылись в бумагах на ее столе в поисках диссертации Дэна.

– На следующей неделе.

– Вполне вероятно, что к этому времени ты ее представишь, она почти готова.

– Не могу поверить – я женюсь. Боже, какой я старый.

Элис нашла диссертацию и передала ее Дэну.

– Успокойся, никакой ты не старый, ты еще в самом начале пути.

Дэн присел к столу, стал листать свою работу и, замечая сделанные красной ручкой пометки на полях, всякий раз хмурился. Элис уделила особое внимание введению и дискуссионным частям диссертации. Она заполнила пропуски в тексте Дэна, создавая более детальное представление о том, каким образом его труд может быть использован в разных областях лингвистических исследований.

– А это что означает? – спросил Дэн, указывая Элис на ее неразборчивые каракули.

– Дифференциальные эффекты ограниченности против рассредоточенного внимания.

– На что ссылаться?

– Ох-ох, на что? – спросила себя Элис и зажмурилась в ожидании, когда имя первого автора и дата первой публикации всплывут в памяти. – Видишь, как это бывает, когда ты старая.

– Бросьте, вас старой не назовешь. Не волнуйтесь, я сам найду.

Самое тяжелое бремя для любого человека, сделавшего научную карьеру, – держать в памяти даты публикаций, детали экспериментов и имена их авторов. Элис часто изумляла своих студентов и постдоков³, с легкостью упоминая семь относящихся к тому или иному явлению работ, их авторов и годы публикаций. Большинство преподавателей на факультете обладали этим даром. На самом деле в их кругу даже существовала негласная конкуренция – чей мысленный каталог по их дисциплине объемнее и кто может им быстрее воспользоваться. Элис чаще других становилась обладательницей главного приза в этом состязании.

– Нуе, MBV, двухтысячный! – воскликнула она.

– Не перестаю удивляться, как вам это удается. Серьезно, как вы держите в голове всю эту информацию?

Элис усмехнулась в ответ на его восхищение.

– Еще узнаешь, я же говорю – ты в самом начале пути.

Дэн пролистал статью до конца и перестал хмуриться.

– Хорошо, я все понял, так будет лучше. Огромное спасибо. Завтра принесу обратно!

³ Постдоки – молодые ученые, недавно защитившие диссертацию.

И он выскочил из кабинета Элис. Задача была выполнена, она сверилась со списком дел. Желтый листок был прилеплен к подвесному шкафу прямо над монитором у нее на столе.

*Класс по когнитивизму V
Ланч-семинар V
Диссертация Дэна
Эрик
День рождения, обед*

Элис с удовлетворением отметила крестиком пункт «Диссертация Дэна».

«Эрик? Что это значит?» – задумалась она.

Эрик Уэллман возглавлял факультет психологии. Она собиралась ему что-то сказать, показать, спросить? У нее назначена с ним встреча? Элис сверилась с календарем. Одиннадцатое октября – ее день рождения. Никаких упоминаний об Эрике. Эрик. Прямо-таки загадка. Она просмотрела почту. Никаких сообщений от Эрика. Элис надеялась, что это может подождать. Раздраженная, но уверенная, что как-нибудь восстановит в памяти то, что связано с Эриком, она выбросила желтый стикер (уже четвертый за день) в корзину и оторвала следующий.

*Эрик?
Позвонить доктору*

Такие заминки с памятью случались все чаще, и это начинало раздражать Элис. Она откладывала звонок своему терапевту, потому что решила, что со временем это прекратится само собой. Еще она надеялась, что сможет, не привлекая внимания, разузнать об этом этапе жизни у кого-нибудь из знакомых и к доктору идти не придется. Однако все друзья и коллеги ее возраста были мужчинами. Элис вынуждена была признаться самой себе, что пришло время обратиться к врачу.

От кампуса до «Ипулэ» на Инмен-сквер Элис и Джон дошли пешком. Войдя внутрь, Элис сразу увидела у барной стойки свою старшую дочь Анну с ее мужем Чарли. Оба были в отличных синих костюмах, на Чарли – солидный золотистый галстук, на Анне – нитка жемчуга. Оба уже года два работали в третьей по величине юридической фирме Массачусетса. Анна практиковала в области интеллектуальной собственности, Чарли занимался тяжбами.

По бокалу мартини в руке дочери и по тому, что грудь у нее не увеличилась в размерах, Элис определила, что Анна не беременна. Вот уже шесть месяцев, не делая из этого секрета, Анна безуспешно пыталась зачать ребенка. Как это обычно с ней бывало, чем труднее оказывалось достижение цели, тем больше она к ней стремилась. Элис советовала дочери подождать и не спешить перевернуть эту страницу жизни. Анне всего двадцать семь, она только в прошлом году вышла за Чарли и работала восемьдесят-девяносто часов в неделю. Но дочь аргументировала свое стремление родить тем, что каждая женщина-профессионал, задумываясь о ребенке, со временем приходит к выводу: подходящее время никогда не наступит.

Элис беспокоило, что рождение ребенка может повлиять на карьеру Анны. Ее собственный путь к бессрочному профессорскому контракту оказался нелегким не из-за того, что ее пугала все возрастающая ответственность или необходимый объем публикаций, а главным образом потому, что она была матерью троих детей. Тошнота, анемия и токсикоз, мучившие ее на протяжении в общей сложности двух с половиной лет беременности, само собой разумеется, отвлекали от работы и тормозили ее. А запросы трех маленьких человечков, появившихся в результате этих беременностей, отнимали столько времени и сил, что самые упертые и занудные руководители факультетов или студенты-отличники не шли с ними ни в какое сравнение.

Ей не раз приходилось с ужасом наблюдать, как скорость продвижения по карьерной лестнице женщин репродуктивного возраста замедлялась практически до нуля или они вообще

сходили с дистанции. Наблюдать, как Джон, равный ей в профессии и по уровню интеллекта, мчится мимо нее к цели, тоже было жутковато. Элис часто задавалась вопросом: выдержала бы его карьера три эпизиотомии⁴, кормление грудью, процесс приучения к горшку, помноженный на три, бесконечные до отупения песенки типа «Колесики автобуса крутятся и крутятся» днем и не менее бесконечные бессонные ночи? Элис в этом очень сомневалась.

Сразу после того, как они обняли друг друга, обменялись поцелуями и комплиментами, к стойке приблизилась женщина в черном с головы до ног, с выбеленными волосами.

– Итак, компания в сборе? – поинтересовалась она, мило улыбаясь, но так долго, что это не могло быть искренне.

– Нет, мы ждем еще одного человека, – сказала Анна.

– Я здесь! – сообщил Том, появляясь у них за спиной. – С днем рождения, мам.

Элис обняла и поцеловала сына и только потом поняла, что он пришел один.

– Мы подождем...

– Джил? Нет, мам, мы расстались месяц назад.

– Девушки у тебя меняются так часто, что мы не успеваем запомнить, как их зовут, – заметила Анна. – Уже есть новенькая, для которой нужно занять место?

– Пока нет, – ответил Том Анне и обратился к женщине в черном: – Все в сборе.

Период одиночества Тома между подружками всегда составлял от шести до девяти месяцев, и никогда больше. Умный и энергичный Том учился на третьем курсе медицинского факультета Гарварда и был точной копией своего отца: он нацелился на карьеру хирурга-кардиолога. По его внешности можно было догадаться, что питается он неправильно. Том с иронией признавал, что все его знакомые студенты-медики и хирурги едят бог знает что и на бегу – пончики, чипсы и прочую дрянь из автоматов и больничных кафетериев. Ни у кого нет времени на занятия спортом, если не считать пробежки по лестницам вместо лифта. Зато через несколько лет они смогут лечить друг друга от болезней сердца, шутил Том.

Как только все устроились в полукруглой кабинке за столиком с напитками и закусками, разговор зашел об отсутствующем члене семьи.

– Когда в последний раз Лидия была у кого-нибудь из нас на дне рождения? – спросила Анна.

– Она приезжала, когда мне исполнился двадцать один год, – сказал Том.

– Это было почти пять лет назад! И больше ни разу? – изумилась Анна.

– Нет, не может такого быть, – возразил Джон, но больше ничего не добавил.

– А я уверен, так оно и было. – Том стоял на своем.

– Ты не прав, – сказала Элис. – Она приезжала на пятидесятилетие отца на Кейп-Код.

– Как у нее дела, мам?

То, что Лидия не стала поступать в колледж, Анне явно пришлось по душе. Прерванное образование сохраняло за Лидией репутацию самой умной дочери Хаулендов. Будучи старшей, Анна имела возможность раньше других порадовать родителей своими интеллектуальными способностями и стала первой обладательницей статуса умницы. Том тоже был очень одарен, но Анна никогда не обращала на него внимания, возможно, потому, что он мальчик. А потом появилась Лидия. Обе девочки были умными, но если Анна буквально билась за то, чтобы стать круглой отличницей, то Лидия получала свой безупречный табель без видимых усилий. Анна это заметила. Обе они обладали бойцовскими качествами и ценили независимость, но Анна не любила рисковать. Она предпочитала безопасные и заранее оговоренные цели, по достижении которых всеобщее одобрение гарантировано.

– У нее все хорошо, – отозвалась Элис.

⁴ Эпизиотомия – рассечение промежности для облегчения родов.

– Не могу поверить, что она по-прежнему в Калифорнии. Она хоть где-нибудь играет? – поинтересовалась Анна.

– Лидия была просто великолепна в этой пьесе в прошлом году, – сказал Джон.

– Она ходит на курсы, – сообщила Элис.

И как только эти слова слетели у нее с языка, она вспомнила, что Джон у нее за спиной оплачивал курсы дочери, после которых не выдают диплом. Как она могла забыть поговорить с ним об этом? Элис бросила на мужа гневный взгляд. Он едва заметно покачал головой и почесал затылок. Сейчас не время и не место для такого разговора. Она доберется до него позже. Если не забудет.

– Что ж, по крайней мере, она хоть чем-то занята, – сказала Анна, удовлетворенная тем, что все в курсе, в каком положении оказалась дочь Хаулендов.

– Пап, как продвигается твой эксперимент? – спросил Том.

Джон подался вперед и стал подробно рассказывать о своей работе. Элис смотрела на мужа и сына. Два биолога, поглощенные научной беседой, и оба пытаются произвести впечатление. Лукавые морщинки в уголках глаз Джона, заметные даже тогда, когда он бывал серьезен, стали еще виднее, а руки задвигались как у марионетки.

Элис любила Джона таким. Ей он не рассказывал о своих исследованиях так подробно и с таким энтузиазмом. Раньше – да. Она до сих пор знала о его работе достаточно, чтобы выдать достойное резюме на какой-нибудь вечеринке с коктейлями, но это были поверхностные знания. Элис помнила, как он разговаривал с ней, когда они вели содержательные беседы, встречаясь с Томом или коллегами Джона. Раньше он все ей рассказывал, а она восхищенно слушала. Элис задумалась: когда же все переменялось, кто из них первым потерял интерес к другому? Ему стало неинтересно рассказывать или ей стало неинтересно слушать?

Кальмары, устрицы, салат аругула, равиоли с тыквой – все было безупречно. После обеда дети и муж нестройно, но громко спели «Happy Birthday», вызвав аплодисменты за соседними столиками. Элис задула единственную свечу на своем куске шоколадного торта. Когда все подняли бокалы с «Вдовой Клико», Джон протянул свой чуть выше остальных:

– С днем рождения, моя прекрасная и талантливейшая жена! За твои следующие пятьдесят лет!

Все чокнулись и выпили за Элис.

В дамской комнате Элис внимательно изучала свое отражение в зеркале. Взрослая женщина, которую она видела перед собой, была не очень похожа на ту, какой она себя ощущала. Усталые золотистокарие глаза, хотя она прекрасно выспалась, кожа тусклая и вялая. Ясное дело – ей больше сорока, но она бы не сказала, что выглядит старой. Элис не чувствовала себя постаревшей, хотя и знала, что не молода. Вступление в очередную возрастную фазу регулярно напоминало о себе неожиданными и малоприятными моментами забывчивости, связанными с менопаузой. В остальном она чувствовала себя молодой, сильной и здоровой.

Элис подумала о маме. Они с ней очень похожи. В памяти Элис мамино лицо, серьезное и напряженное, с рассыпанными по носу и щекам веснушками, было гладким, без единой морщинки. Она не успела их заработать. Мама умерла, когда ей был сорок один год. Сестре Элис, Энн, шел бы сорок восьмой год. Элис попыталась представить, как выглядела бы сестра, если бы сидела сегодня вечером здесь, в ресторане, с мужем и детьми, но у нее ничего не получилось.

Элис присела на унитаз и увидела кровь. Менструация. Она, конечно, понимала, что месячные в начале менопаузы часто приходят нерегулярно и не всегда исчезают внезапно и навсегда.

Вся ее смелость под воздействием шампанского и вида крови улетучилась. Элис разрыдалась. Не хватало воздуха. Ей исполнилось пятьдесят, и она боялась, что сходит с ума.

В дверь постучали.

– Мам? – Это была Анна. – С тобой все в порядке?

Ноябрь 2003 года

Доктор Тамара Мойер занимала кабинет на третьем этаже пятиэтажного офисного здания, которое находилось всего в нескольких кварталах к западу от Гарвард-сквер, то есть недалеко от того места, где Элис в одно мгновение потерялась. Серые, как в школе, стены приемной и смотровой по-прежнему украшали фотографии Ансея Адамса в рамочках и плакаты фармацевтического содержания, но они не вызывали у Элис негативных ассоциаций. На протяжении двадцати двух лет, которые доктор Мойер была ее терапевтом, посещения Элис носили исключительно превентивный характер – физический осмотр, иммунизация и, с недавнего времени, маммограмма.

– Элис, что привело тебя ко мне сегодня? – спросила доктор Мойер.

– В последнее время у меня стали возникать проблемы с памятью, но я считала, что это фактор, сопутствующий менопаузе. Последний раз месячные были у меня около полугода назад, а в прошлом месяце пришли снова. Так что, возможно, у меня пока нет менопаузы. И тогда... в общем, я решила, что мне надо к тебе прийти.

– Расскажи конкретнее, что именно ты забываешь? – попросила доктор Мойер, не поднимая головы от своих записей.

– Имена, слова посреди разговора, куда я положила свой «блэкберри», что означает запись в ежедневнике.

– Понятно.

Элис внимательно наблюдала за врачом. Казалось, ее откровения не произвели на нее впечатления. Доктор Мойер воспринимала информацию, как священник выслушивает подростка, который признается в постыдных мыслях о девочках. Вероятно, ей приходится по нескольку раз в день слушать подобные жалобы от абсолютно здоровых людей. Элис даже захотелось извиниться за то, что она оказалась паникершей и, даже можно сказать, дурой и отнимает время. Все забывают подобные вещи, особенно с возрастом. Плюс ко всему менопауза, привычка делать три дела сразу, а думать о дюжине – эти заминки с памятью кажутся мелкими, безобидными, незначительными и даже ожидаемыми. Все подвергаются стрессам. Все устают. Все что-то забывают.

– Еще я не смогла сориентироваться на Гарвард-сквер. Минуты две не могла понять, где нахожусь, а потом все вспомнила.

Доктор Мойер перестала записывать симптомы и подняла глаза на Элис. Эта информация произвела на нее впечатление.

– Тебе было трудно дышать?

– Нет.

– Ты чувствовала оцепенение или покалывание?

– Нет.

– Болела голова или было головокружение?

– Нет.

– Ты не почувствовала сильного сердцебиения?

– Сердце еще как колотилось, но, когда ты сбита с толку, это больше похоже на выброс адреналина от страха. За секунду до того, как это случилось, я чувствовала себя просто великолепно.

– А в тот день с тобой случилось что-нибудь необычное?

– Нет, я только что вернулась из Лос-Анджелеса.

– Тебя бросало в жар?

– Нет. Я почувствовала что-то вроде этого, когда перестала ориентироваться, но, повторяю, я думаю, что это от испуга.

– Ладно. Как ты спишь?
– Прекрасно.
– Сколько часов в день?
– Пять или шесть.
– Бывает трудно заснуть?
– Нет.
– Сколько раз за ночь ты обычно просыпаешься?
– По-моему, ни разу.
– Ложишься спать каждый день в одно и то же время?
– Обычно да. Если только не переезжаю с места на место, в последнее время я много ездила.

– И где ты была?
– В последние несколько месяцев – в Калифорнии, Италии, Нью-Орлеане, Флориде, Нью-Джерси.

– Ты не болела после какой-нибудь поездки? Может быть, у тебя был жар или лихорадка?
– Нет.
– Ты принимаешь какие-нибудь медикаменты, что-нибудь, что может вызвать аллергическую реакцию, препараты, которые ты не считаешь медикаментозными?

– Только мультивитамины.

– Изжога?

– Нет.

– Изменение веса?

– Нет.

– Не замечала кровь в моче, стул нормальный?

– Все в порядке.

Как только доктор Мойер получала ответ на свой вопрос, она тут же задавала следующий, а темы менялись с такой скоростью, что Элис не успевала понять их логику. Это было похоже на катание на «американских горках» с закрытыми глазами, она не могла предсказать, когда будет следующий поворот.

– Ты сейчас более встревожена или подавлена, чем обычно?

– Только из-за этих заминок с памятью. В остальном нет.

– А как у тебя с мужем?

– Прекрасно.

– Ты считаешь, что твое душевное состояние в норме?

– Да.

– Не думаешь, что это депрессия?

– Нет.

Элис знала, что такое депрессия. После смерти мамы и сестры, когда ей было восемнадцать, она потеряла аппетит, не могла заснуть больше чем на два часа, хотя постоянно чувствовала усталость, и ее ничто не интересовало и не радовало. Это длилось чуть больше года, и с тех пор она ничего подобного не испытывала. Сейчас с ней происходило нечто другое. Прозак⁵ в этом деле не помощник.

– Ты выпиваешь?

– Только в компании.

– Сколько?

– Один-два бокала за вечер, может, немного больше по особому случаю.

– Наркотики?

⁵ Антидепрессант.

– Нет.

Доктор Мойер задумчиво посмотрела на Элис, а потом, постукивая ручкой по своим записям, заново их перечитала. Элис подозревала, что ответа на ее вопросы в них нет. Она вцепилась обеими руками в дерматиновый стул.

– Так у меня начинается менопауза?

– Да. Можно назначить курс FSH⁶, но все, что ты мне рассказала, соответствует этому диагнозу. Средний возраст начала менопаузы – сорок восемь – пятьдесят два. Ты как раз в этойвилке. В течение года у тебя еще пару раз будут менструации. Это абсолютно нормально.

– Заместительная терапия может помочь решить проблемы с памятью?

– Мы больше не назначаем женщинам этот курс, если только у них нет серьезных проблем со сном и действительно мучительных приливов или остеопороза. Не думаю, что твои проблемы с памятью как-то связаны с менопаузой.

Кровь отлила от лица Элис. Это были именно те слова, которые она боялась услышать, и о чем только недавно отважилась подумать. Высказанное вслух мнение профессионала разнесло ее доводы в пух и прах. С ней что-то происходит, и она не готова услышать, что именно. Элис поборолa нарастающее желание сдаться или немедленно убежать из кабинета куда глаза глядят.

– Почему?

– Нарушения памяти и дезориентация в списках симптомов менопаузы следуют за нарушением гигиены сна. Такие женщины с трудом воспринимают реальность, потому что не спят как положено. Есть вероятность, что ты спишь не так уж хорошо, как тебе кажется. Возможно, твой график и перелеты оказывают негативное влияние на сон или ты беспокоишься о чем-то во сне.

Элис подумала о том времени, когда у нее часто путались мысли из-за недостатка сна. Естественно, ее интеллектуальные возможности были не на высоте в последние недели каждой беременности, после родов или когда она в авральном режиме работала над завершением проекта по гранту. Вот только когда она потерялась на Гарвард-сквер, в ее жизни не происходило ничего подобного.

– Возможно. А не может быть так, что теперь мне, в силу возраста или из-за менопаузы, требуется более продолжительный сон?

– Нет. Такого в своей практике я не наблюдала.

– Если это не следствие недосыпания, то что это, по-твоему? – спросила Элис.

К этому моменту ее голос окончательно утратил уверенность и четкость звучания.

– Вообще-то, меня больше беспокоит дезориентация. Не думаю, что это связано с сосудами. Я считаю, надо пройти кое-какие тесты. Ты сдашь кровь на анализ, сделаешь маммограмму, комплексную томографию костей, потому что уже пора, и магнитно-резонансную томографию мозга.

Опухоль мозга. Она об этом даже не думала. Смутный силуэт нового хищника возник в ее воображении, и паника снова начала вгрызаться в нее изнутри.

– Если ты не думаешь, что это связано с сосудами, чего ты ждешь от томографии мозга?

– Всегда полезно все разложить по полочкам. Сделаешь томографию, а потом сразу ко мне, и мы подумаем, как быть дальше.

Доктор Мойер избежала прямого ответа, а Элис не стала ее принуждать. Она не думала, что у нее опухоль.

Уильям-Джеймс-Холл – факультеты психологии, социологии и социальной антропологии – находится как раз за воротами Гарвард-Ярда, которые выходят на Крикленд-стрит. Этот район студенты называют Сибирью. Однако географическое положение далеко не главный при-

⁶ Фолликулостимулирующий гормон.

знак, который отдаляет его от основного кампуса. Уильям-Джеймс-Холл никто и никогда не спутает со старинными университетскими строениями в стиле классицизма, которые служат украшением Ярда и где располагаются общежития для первокурсников и классы математики, истории и английского. А вот с паркингом его можно спутать. У этого здания нет ни дорических, ни коринфских колонн, ни кладки красного кирпича, ни витражей, ни шпилей, ни атриумов, ни одной детали, которая бы хоть как-то роднила его с университетом. На создание этого лишенного каких-либо отличительных черт блока бежевого цвета двести десять футов высотой, вполне возможно, архитектора вдохновил ящик Скиннера⁷. Неудивительно, что это здание не включают в маршруты пеших экскурсий и не помещают его фотографию в гарвардском календаре как символ весны, лета, зимы или осени.

Но хотя внешний вид Уильям-Джеймс-Холла безусловно ужасен, вид из окон большинства офисов и конференц-залов, которые располагаются на его верхних этажах, просто великолепен. Элис сидела за столом в своем кабинете на десятом этаже, пила чай и отдыхала, разглядывая дивный вид на реку Чарльз и Бостонскую бухту. Пейзаж был словно помещен в раму ее огромного окна на юго-восток. Многие художники и фотографы запечатлели его в масле, акварелью и на фотопленке. По всему Бостону на стенах в офисных зданиях можно было найти эту картину – в рамке или просто приколотую к стене.

Элис ценила это преимущество и время от времени любовалась этим пейзажем в натуральном виде. Качество и динамика отображавшейся в окне картины постоянно изменялись в зависимости от часа и времени года. В это солнечное ноябрьское утро «Вид Бостона с Уильям-Джеймс-Холла. Осень» демонстрировал сверкающие на солнце бледно-голубые стекла Центра Джона Хэнкока⁸ и гребные лодки, скользящие по серебряной реке к Бостонскому музею науки так плавно, словно их тянули за ниточку. Этот вид также давал ей полезную информацию о жизни за пределами Гарварда. Когда на фоне темнеющего неба над Фенвей-парк вспыхивала красно-белая неоновая реклама CITGO⁹, это действовало Элис на нервы, как звонок будильника. Она забывала о работе, мысленно переключаясь на дом. Когда-то, еще до того, как она получила бессрочный контракт, Элис занимала маленькую комнату без окон в самом чреве Уильям-Джеймс-Холла. Не видя внешнего мира за толстыми бежевыми стенами, она часто, сама того не осознавая, засиживалась на работе допоздна. Не один раз в конце рабочего дня Элис с изумлением обнаруживала, что северо-восточный ветер на целый фут засыпал Кембридж снегом, а ее не столь заикленные на работе коллеги или просто те, у кого были окна, уже давно благоразумно покинули Уильям-Джеймс-Холл, озабоченные поисками хлеба, молока и туалетной бумаги, перед тем как попасть домой.

Но сейчас ей было не до окна. После обеда нужно было лететь на ежегодное совещание Общества психоэкономики в Чикаго, а ей еще предстояло завершить кучу дел. Элис взглянула на свою памятку.

*Рецензия на статью в «Нейчер нейросайнс» V
Собрание факультета V
Встреча с ТА V
Класс по когнитивизму
Закончить план конференции
Пробегжка
Аэропорт*

⁷ Тесная клетка, где крысы могут совершать только такие действия, которые экспериментатор может контролировать и наблюдать.

⁸ Джон Хэнкок (1737–1793) – первый губернатор Массачусетса.

⁹ Нефтяная корпорация.

Элис допила остывший чай и стала просматривать заметки к предстоящей лекции. Она была посвящена семантике, третья из шести ее любимого курса по лингвистике. Даже после двадцати пяти лет преподавания Элис всегда уделяла час на подготовку к лекции. Естественно, теперь она могла, не думая ни минуты, преподать семьдесят пять процентов материала. Тем не менее оставшиеся двадцать пять касались открытий, передовых методик или дискуссионных вопросов в данной области, и она использовала этот час именно на это. Благодаря постоянно обновляющейся информации она и любила свой предмет, и требовала стопроцентного присутствия на занятиях.

В Гарварде особое значение уделяли исследовательской работе, по этой причине и студенты, и администрация относились к преподаванию без особого энтузиазма. Одержимость Элис преподаванием отчасти объяснялась тем, что она оставалась верна своему долгу и верила, что может заразить своей страстью очередное поколение студентов. Или, по крайней мере, не станет причиной того, что следующий носитель новых идей в когнитивизме не сделает крен в сторону политических наук. Плюс ко всему она просто любила преподавать.

Подготовившись к лекции, Элис просмотрела электронную почту.

Элис!

Мы все еще ждем от тебя три слайда для доклада Майкла: схему восстановления слов, модель языковой карикатуры, текстовый слайд. Доклад состоится не раньше среды, но было бы очень неплохо, если бы Майкл включил твои слайды в презентацию и убедился, что они ему подходят и вписываются в лимит времени. Можешь переслать их мне или Майклу.

Мы остановились в «Хаятте». Увидимся в Чикаго.

Всего наилучшего,

Эрик Гринберг

В голове Элис холодным светом замигала тусклая лампочка. Так вот о каком загадочном Эрике шла речь в ее памятке в прошлом месяце. Та запись не имела никакого отношения к Эрику Уэллману – она должна была напомнить, чтобы Элис переслала эти слайды Эрику Гринбергу, ее бывшему коллеге по Гарварду, а сейчас профессору психологии в Принстонском университете. Элис и Дэн сложили вместе три слайда, описывающие эксперимент, который Дэн поспешил провести вместе с постдоком Эрика Майклом. Предполагалось, что слайды будут сопровождать доклад Майкла по психоэкономике. Элис поторопилась, прежде чем ее что-то отвлечет, отослать слайды по электронной почте, сопроводив их искренними извинениями перед Эриком. К счастью, у него еще было время. Обошлось без жертв.

Как и многое в Гарварде, аудитория, в которой Элис читала курс по когнитивизму, была больше, чем требовалось. Количество синих мягких стульев на трибунах на несколько сотен превосходило число записавшихся на лекции студентов. В конце аудитории стоял впечатляющий сверхсовременный аудиовидеоцентр, а в начале висел проекционный экран – не меньше, чем в кинотеатре. Пока три помощника подсоединяли провода к компьютеру Элис, а студенты не торопясь заполняли аудиторию, она открыла лэптоп и выбрала папку «Курс лингвистики».

В ней было шесть файлов: «Овладение», «Синтаксис», «Семантика», «Аудирование», «Моделирование» и «Патологии». Элис еще раз перечитала названия файлов. Она не могла вспомнить, на какую тему должна прочесть лекцию. Только что она целый час тщательно готовилась дать материал по одной из этих тем, но не могла вспомнить, по какой именно. Синтаксис? Все темы были ей хорошо знакомы, и ни одна не выделялась среди других.

После визита к доктору Мойер каждый раз, когда что-то выпадало из памяти Элис, дурные предчувствия усиливались. Это было не сравнить с тем, когда она забывала, где зарядка от органайзера или очки Джона. Это было ненормально. Измученным голосом параноика она

говорила себе, что у нее, вероятно, опухоль мозга. Еще она убеждала сама себя не сходить с ума и не тревожить Джона, пока доктор Мойер не выскажет свое профессиональное мнение, а это, к несчастью, могло случиться только на следующей неделе, после конференции по психонимике.

Полная решимости пережить следующий час, Элис глубоко вдохнула. Пусть она и не помнит тему сегодняшней лекции, зато она не забыла, кто ее студенты.

– Не мог бы кто-нибудь из вас подсказать мне, что у нас по программе на сегодня? – спросила она.

Несколько студентов ответили нестройными голосами:

– Семантика.

Элис верно рассчитала, что по крайней мере два-три человека ухватятся за возможность показать, что они в курсе дела и готовы помочь. Ее ничуть не пугало, что кто-то сочтет ее вопрос странным или удивится тому, что она не знает тему лекции. Студентов и профессоров разделяет дистанция огромного размера: возраст, багаж знаний, статус.

Плюс за семестр Элис успела продемонстрировать студентам свою компетенцию и имела оглушительный успех, читая курс литературы. Даже если бы кому-то из них пришло в голову поразмышлять на эту тему, они бы, скорее всего, решили, что профессора отвлекли более важные, чем курс «Психология 256», вопросы и у нее просто не было времени заглянуть в программу. Они даже подумать не могли, что Элис только что посвятила семантике целый час.

К вечеру солнечный день стал пасмурным и промозглым, начиналась зима. Прошлой ночью во время ливня с деревьев сорвало почти все оставшиеся листья, и зиму они встречали практически голыми. Элис вполне комфортно чувствовала себя в шерстяном костюме. Наслаждаясь холодным осенним воздухом и разбрасывая на ходу сухие листья, она не спеша шла домой.

В доме горел свет, на полу возле столика в прихожей стояли туфли и сумка Джона.

– Привет! Я дома, – сказала Элис.

Джон вышел из кабинета и уставился на нее, явно сбитый с толку и не в состоянии подобрать нужные слова. Элис тоже растерялась и уже начала думать, что случилось нечто ужасное. Ее мысли сразу обратились к детям. Она замерла в дверях и, собравшись с духом, приготовилась услышать самое страшное.

– Ты разве не должна быть сейчас в Чикаго?

– Что ж, Элис, твой анализ крови в порядке, магнитно-резонансная томография тоже, – сказала доктор Мойер. – Одно из двух: либо подождем месяца три, посмотрим, как у тебя дальше пойдут дела, как ты спишь и прочее, либо...

– Я хочу проконсультироваться у невролога.

Декабрь 2003 года

Вдень, когда Эрик Уэллман устроил вечеринку в честь своего дня рождения, небо нависло, как перед снегопадом. Элис надеялась, что выпадет снег. Как и большинство уроженцев Новой Англии, она каждый год, как ребенок, радовалась первому снегу. И естественно, как и большинство уроженцев Новой Англии, в феврале она проклинала то, чего так ждала в начале декабря. К этому времени в ней уже росла ненависть к лопатам и сапогам, она мечтала о том времени, когда нежно-розовые и желто-зеленые краски весны сменяют черно-белую зимнюю палитру. Но в этот вечер снег был бы настоящим подарком.

Каждый год Эрик и его жена Марджори устраивали вечеринку для всего факультета психологии. Это событие не подразумевало ничего экстраординарного, но его всегда украшали детали, которые грели Элис душу: Эрик с комфортом устраивался на полу в гостиной, там же на стульях и диванах рассаживались студенты и младшие сотрудники, Кевин и Глен боролись за обладание куклой Гринча, и все старались заполучить кусок легендарного чизкейка Марти.

Коллеги Элис были более чем талантливы, честолюбивы и непритязательны, в любой момент готовы прийти на помощь и вступить в дискуссию. Она считала их своей семьей. Может быть, потому, что у нее не было ни братьев, ни сестер, ни родителей. Или просто время года делало ее такой сентиментальной и подталкивало к размышлениям о смысле существования и своем месте в жизни. Может, и так, но не только.

Они были больше чем коллеги. Научные открытия, продвижение по карьерной лестнице и новые публикации – все эти события отмечались, но были еще свадьбы и рождения детей и достижения детей и внуков. Они вместе ездили по всему миру на конференции, и многие встречи совмещались с семейными каникулами. Они поддерживали друг друга во время неудач в исследованиях, вместе переживали отказы от грантов, противостояли приступам сомнений в себе, болезням и разводам.

Но самое главное, что их объединяло, – это исследование человеческого разума, желание разобраться в механизмах, которые руководят поведением человека, его речью, эмоциями и потребностями. И если «священным Граалем» их исследований был престиж каждого в отдельности, то сутью было совместное стремление познать нечто ценное и поделиться этим со всем миром. Это был социализм с прививкой капитализма. Удивительная, полная конкурентной борьбы интеллектуальная жизнь. И они, все вместе, были полноправными участниками этой жизни.

Чизкейк благополучно исчез, и Элис, ухватив слойку с кремом, отправилась на поиски Джона. Он беседовал с Эриком и Марджори в гостиной. Когда Элис присоединилась к их компании, прибыл Дэн.

Дэн представил друзьям свою жену Бет, после чего последовали сердечные поздравления и рукопожатия. Марджори приняла у вновь прибывших пальто. Дэн был в смокинге, а Бет – в длинном, до самого пола, красном платье. Они опоздали и были одеты слишком официально для подобной вечеринки – вероятно, уже успели побывать на другом мероприятии. Эрик предложил гостям напитки.

– Я, пожалуй, выпью еще бокал, – сказала Элис, при этом бокал у нее в руке был наполовину полон.

Джон поинтересовался у Бет, как ей супружеская жизнь. Элис никогда не встречалась с невестой Дэна, но кое-какой информацией он с ней поделился. Дэн и Бет жили вместе в Атланте, когда Дэна приняли в Гарвард. Бет осталась дома, и поначалу ее вполне устраивали отношения на расстоянии плюс обещание жениться после окончания университета. По прошествии трех лет Дэн неосмотрительно обмолвился, что на получение образования у него вместо пяти лет вполне может уйти шесть или даже семь. Они поженились в прошлом месяце.

Элис, извинившись, отделилась от компании и направилась в дамскую комнату. По пути из обновленной фасадной части дома в старую она задержалась в коридоре, чтобы допить вино, доесть слойку и полюбоваться развешенными на стенах фотографиями улыбающихся внуков Эрика. После того как она зашла в туалет, Элис забрела в кухню, налила себе еще один бокал вина и включилась в оживленную беседу жен преподавателей.

Они кружили по кухне, по пути легонько подталкивая друг друга локтями или хлопая по плечу. Они всех знали, нахваливали друг друга, поддразнивали и непринужденно смеялись. Все эти женщины вместе ходили за покупками и в кафе и состояли в одних и тех же клубах книголюбов. Они были близки. Элис знала их мужей, и это отдаляло ее от них. Она слушала, потягивала вино и кивала – ее присутствие в кухне можно было сравнить с бегом на тренажере вместо бега по гравиевой дорожке.

Снова наполнив бокал, Элис незаметно выскользнула из кухни. Джона она нашла в гостиной, он беседовал с Эриком, Дэном и молодой женщиной в красном платье. Элис подошла к роялю Эрика и, прислушиваясь к беседе, тихонько постукивала пальцами по крышке. Каждый год она надеялась, что кто-нибудь попросит ее сыграть, но никто не просил. Несколько лет они с Энн, когда еще были детьми, брали уроки, но теперь без нот она могла наиграть только «Baby Elephant Walk» и «Turkey in the Straw», и то правой рукой. Может быть, эта женщина в красном вечернем платье умеет играть на рояле.

В разговоре возникла пауза, и Элис встретилась с этой женщиной взглядом.

– Простите, я Элис Хауленд. Кажется, мы не знакомы.

Женщина растерянно взглянула на Дэна.

– Я Бет.

Бет выглядела довольно молодо и вполне могла быть аспиранткой, но к декабрю Элис обычно узнавала даже первокурсников. Она припомнила, что Марти как-то сказал, что принял на работу нового сотрудника, женщину.

– Вы новый постдок Марти? – поинтересовалась она.

Женщина снова посмотрела на Дэна.

– Я жена Дэна.

– О, как приятно наконец-то с вами познакомиться. Примите мои поздравления!

Никто не произнес ни слова. Дэн посмотрел Джону в глаза, потом на бокал Элис, затем снова на Джона, как будто хотел что-то сказать.

– Что? – ничего не понимая, спросила Элис.

– Знаешь, уже поздно, а мне завтра рано вставать, – сказал Джон. – Пойдем домой, ты не против?

Когда они оказались на улице, Элис хотела спросить, что означают все эти переглядывания, но, пока они были в гостях, выпал чудесный, похожий на сахарную вату снег, и, глядя на него, она обо всем забыла.

За три дня до Рождества Элис посетила Массачусетскую больницу общего профиля в Бостоне. Она сидела в комнате ожидания перед отделением расстройства памяти и притворялась, что читает журнал «Хелс». На самом деле она наблюдала за ждущими своей очереди пациентами. Все пришли парами. Женщина, которая выглядела на двадцать лет старше Элис, сидела рядом с женщиной, которая была как минимум на двадцать лет старше ее самой, наверняка ее мать. Женщина с густыми, ненатурально-черными волосами и громоздкими золотыми украшениями громко и отчетливо, с явным бостонским акцентом говорила что-то отцу, который сидел в инвалидной коляске и не сводил глаз со своих безупречно-белых туфель. Тощая седая женщина листала журнал – слишком быстро, чтобы успеть хоть что-то прочесть, а рядом с ней сидел такой же седой мужчина, полный, с тремором правой руки. По всей видимости, муж и жена.

Элис целую вечность ждала, когда ее наконец позовут. У доктора Дэвиса было молодое гладкое лицо. Он был в очках в черной оправе и в белом расстегнутом халате. Глядя на него, можно было подумать, что когда-то он был худым, но несколько оплывшая нижняя часть его торса напомнила Элис о комментариях Тома по поводу нездорового образа жизни врачей. Доктор, расположившись в кресле за столом, пригласил Элис сесть напротив.

– Итак, Элис, расскажите, что с вами происходит.

– В последнее время у меня часто возникают проблемы с запоминанием, и это меня тревожит. Я забываю слова во время лекций или в разговоре, я вынуждена писать «класс когнитивной лингвистики» в своем ежедневнике, иначе могу забыть пойти на занятия, я совершенно забыла о конференции в Чикаго и не попала на свой рейс. Однажды на Гарвард-сквер я минуты две не могла понять, где нахожусь, хотя я профессор Гарвардского университета и бываю на этой площади едва ли не каждый день.

– И как давно это началось?

– В сентябре. Может быть, этим летом.

– Элис, вы пришли сюда одна?

– Да.

– Хорошо. В будущем вам лучше приходиться вместе с кем-нибудь из членов семьи или с человеком, который регулярно с вами контактирует. Вы жалуетесь на проблемы с памятью, следовательно, не можете быть достоверным источником информации о том, что с вами происходит.

Элис смутилась, как маленькая девочка. А выражение «в будущем» застряло у нее в голове и изводило, как вода, методично капающая из неисправного крана.

– Хорошо, – согласилась она.

– Вы принимаете какие-нибудь лекарства?

– Нет, только мультивитамины.

– Снотворное, диетические таблетки, еще какие-нибудь препараты?

– Нет.

– Выпиваете?

– Немного. Один-два бокала вина за ужином.

– Вы вегетарианка?

– Нет.

– Были ли у вас в прошлом травмы головы?

– Нет.

– Хирургические операции?

– Нет.

– Как вы спите?

– Прекрасно.

– У вас случались депрессии?

– Нет, с тех пор, как я была подростком.

– Стрессоустойчивость?

– Обычная. Стрессы идут мне на пользу.

– Расскажите о ваших родителях.

– Мама и сестра погибли в автокатастрофе, когда мне было восемнадцать. Отец умер от печеночной недостаточности в прошлом году.

– Гепатит?

– Цирроз. Он был алкоголик.

– Сколько ему было лет?

– Семьдесят один.

– У него были какие-нибудь другие проблемы со здоровьем?

– Насколько я знаю, нет. В последние годы я не так часто с ним виделась. А когда это случилось, он был маловразумителен, попросту пьян.

– А у других членов вашей семьи?

Элис выложила доктору скудные сведения об истории болезни членов своей семьи.

– Хорошо. Сейчас я назову вам имя и адрес, а вы повторите за мной. Потом мы займемся другими вещами, после чего я попрошу вас снова назвать эти имя и адрес. Итак, Джон Блэк, Брайтон, Восточная Сорок вторая улица. Можете повторить это для меня?

Элис повторила.

– Сколько вам лет?

– Пятьдесят.

– Какое сегодня число?

– Двадцать второе декабря две тысячи третьего года.

– Время года?

– Зима.

– Где мы с вами сейчас находимся?

– Массачусетская больница, восьмой этаж.

– Вы можете назвать близлежащие улицы?

– Кембридж-стрит, Фрут-стрит, Сторроу-драйв.

– Хорошо. Какое сейчас время суток?

– Позднее утро.

– Назовите месяцы от декабря в обратном порядке.

Она назвала.

– Посчитайте в обратном порядке от ста до шести.

Он остановил ее на семидесяти шести.

– Назовите эти предметы.

Он показал ей шесть карточек с рисунками.

– Гамак, перо, ключ, стул, кактус, перчатка.

– Хорошо, прежде чем показать на окно, дотроньтесь левой рукой до правой щеки.

Она сделала это.

– Можете написать на этом листке предложение о том, какая сегодня погода?

Элис написала: «Солнечное, но холодное зимнее утро».

– А теперь нарисуйте часы, показывающие без двадцати четыре.

Она нарисовала.

– И скопируйте вот этот рисунок.

На рисунке было два четырехугольника, наложенные друг на друга. Элис скопировала.

– Хорошо, Элис, забирайтесь на стол, мы произведем кое-какие неврологические исследования.

Она водила глазами за фонариком доктора, быстро стучала указательным и большим пальцем друг о друга, шла по прямой через комнату, переступая с пятки на носок. И делала все легко и быстро.

– Хорошо. Какие имя и адрес я назвал до тестов?

– Джон Блэк...

Элис запнулась и испытующе посмотрела на доктора. Она не могла вспомнить адрес. О чем это говорило? Возможно, она просто недостаточно внимательно его слушала.

– Это в Брайтоне, но я не могу вспомнить улицу.

– Хорошо. Двадцать четыре, двадцать восемь, сорок два или сорок восемь?

Элис не знала.

– Попробуйте угадать.

– Сорок восемь.

– Это была Северная, Южная, Восточная или Западная улица?

– Восточная?

Ни лицо доктора, ни его жесты не давали Элис подсказки: правильный ли она выбрала ответ. Но если придется угадывать еще раз, значит ответ неверный.

– Так вот, Элис, у нас есть ваш последний анализ крови и магнитно-резонансная томография. Я бы хотел, чтобы вы сделали дополнительный анализ крови и поясничную пункцию. Через четыре-пять недель у вас на руках будут результаты, и вы в тот же день пройдете нейропсихологические тесты, после чего мы встретимся.

– Что, по вашему мнению, происходит? Это обычная забывчивость?

– Я так не думаю, Элис. Мы должны провести дополнительные исследования.

Она посмотрела доктору в глаза. Как-то один ее коллега сказал, что пристальный взгляд в глаза, который длится дольше шести секунд, говорит либо о сексуальном желании, либо о желании убить. Элис в это не поверила, но заинтересовалась и даже проверила на некоторых своих друзьях и нескольких незнакомцах. К своему удивлению, она обнаружила, что каждый из них, за исключением Джона, отводил взгляд раньше, чем истекали те самые шесть секунд.

Доктор Дэвис опустил глаза на четвертой секунде. Вероятно, это означало, что он не желает ее смерти и не желает сорвать с нее одежды, но Элис опасалась, что это означает нечто большее. Ее будут колоть, брать анализы, сканировать, тестировать... Однако она догадывалась, что доктору не нужны дальнейшие исследования. Она рассказала о себе, но не смогла вспомнить адрес Джона Блэка. Доктор уже знал, что с ней происходит.

Утро сочельника Элис провела на диване. Пила чай и смотрела фотоальбомы. Год за годом она помещала новые снимки в пустые пластиковые карманчики. Она не надписывала фотографии – хронология и так строго соблюдалась. Элис помнила всех.

Лидия, Том и Анна, соответственно два года, шесть и семь, в июне на Хардингс-бич возле их первого дома на Кейп-Код. Анна на футбольном матче юношеских команд на стадионе «Пекоссетт». Она с Джоном на Севен-Майл-бич на Большом Каймане.

Она могла не только назвать возраст детей или место, где был сделан тот или иной снимок, но и в деталях описать большинство из них. Каждая фотография вызывала в памяти другие, не запечатленные на пленке моменты того дня, людей, которые там были, и дополняла картину ее тогдашней жизни.

Лидия в колючем зеленовато-голубом костюме на своем первом творческом вечере в хореографическом училище. Это было перед заключением бессрочного контракта, Анна тогда училась в неполной средней школе и носила брекеты, Том изнывал от любви к девочке из его бейсбольной команды, а Джон жил в Бетеседе, у него был годичный творческий отпуск.

Если у нее и возникали проблемы, так это с фотографиями Анны и Лидии, их ангельские личики часто было трудно отличить одно от другого. Однако она умудрялась найти детали, которые подсказывали, кто есть кто. Короткие баки Джона явно из семидесятых. Стало быть, ребенок у него на коленях – Анна.

– Джон, кто это? – спросила Элис и показала фотографию мужу.

Джон оторвался от журнала, сдвинул очки на кончик носа и сощурился.

– Том?

– Милый, карапуз в розовом – это Лидия.

Элис сверилась с кодаковской датой на обратной стороне снимка. Двадцать девятое мая, тысяча девятьсот восемьдесят второй год. Лидия.

– О! – Джон сдвинул очки обратно на переносицу и вернулся к чтению.

– Джон, я собиралась поговорить с тобой об актерских классах Лидии.

Джон загнул страницу журнала, положил его на стол, сложил очки и откинулся на спинку кресла. Он знал, что разговор будет долгим.

– Что ж, давай.

– Не думаю, что нам стоит поддерживать ее там тем или иным способом, и уж точно тебе не следует оплачивать ее занятия у меня за спиной.

– Прости, ты права, я должен был тебе рассказать, но я замотался и забыл, ты знаешь, как это бывает. Но я не согласен по сути, и ты это тоже знаешь. Других детей мы поддерживаем.

– Это совсем другое.

– Нет, не другое. Тебе просто не нравится ее выбор.

– Дело не в актерстве. Дело в том, что она и не думает поступать в колледж. Когда и если она надумает, может быть уже поздно, Джон. И ты помогаешь ей тянуть время.

– Она не хочет поступать в колледж.

– Мне кажется, она просто бунтует против нашего образа жизни.

– А я не думаю, что это имеет какое-то отношение к нашим желаниям или нашему образу жизни.

– Я хочу для нее большего.

– Она много работает, увлечена своим делом и серьезно к нему относится, она счастлива. Этого мы и должны для нее желать.

– Наш долг – передавать детям свой жизненный опыт. Я действительно боюсь, что она упустит что-то важное в своей жизни. Не откроет для себя чего-то нового, не научится смотреть на мир с разных точек зрения, не примет вызовов этого мира, упустит возможности, не встретит интересных людей. Мы с тобой познакомились в колледже...

– У нее все это есть.

– Это не то же самое.

– Пусть. Я считаю, что оплачивать ее занятия – более чем справедливо. Прости, что не сказал тебе, но с тобой трудно говорить на эту тему. Тебя все равно не переубедить.

– Тебя тоже.

Джон взглянул на часы на камине, потянулся за очками и нацепил их на макушку.

– Я на часок должен заскочить в лабораторию, а потом подберу ее в аэропорту. Тебе ничего не нужно? – спросил он, вставая с кресла, чтобы уйти.

– Нет.

Их глаза встретились.

– У нее все будет хорошо, Эли, не волнуйся.

Она приподняла брови, но ничего не сказала. А что тут скажешь? Они уже разыгрывали эту сцену прежде, и вот чем все заканчивается. В споре Джон выбирал путь наименьшего сопротивления, всегда сохранял свой имидж любящего родителя и не убеждал Элис перейти на свою сторону. Что бы она ни говорила, он стоял на своем.

Джон ушел. Оставшись одна, Элис расслабилась и вернулась к фотографиям в альбоме. Любимые, обожаемые дети – младенцы, тоддлеры¹⁰, тинейджеры. Куда уходит время? Элис разглядывала фотографию маленькой Лидии, которую Джон принял за Тома. Она снова почувствовала уверенность в своей памяти. Но конечно же, эти фотографии приоткрывали дверь к историям, которые хранила ее долговременная память.

Адрес Джона Блэка хранился в краткосрочной памяти. Внимание, повтор, уточнение нужны в том случае, если воспринимаемая информация помещена в базу долговременной памяти, в противном случае ее быстро и естественно сотрет поток времени. Предписания и вопросы доктора Дэвиса разбили ее внимание на части и не дали возможности повторить или конкретизировать для себя названный адрес. И если сейчас этот самый несуществующий Джон Блэк немного пугал и злил Элис, в кабинете доктора Дэвиса он ничего для нее не значил. В

¹⁰ Тоддлер – «бегунок», ребенок, уже научившийся ходить, но которому еще рано в детский сад.

подобных условиях мозг среднего человека вполне мог потерять нужную информацию. Но у нее был далеко не среднестатистический мозг.

Элис услышала, как в щель во входной двери упала почта, и кое-что придумала. Она только раз взглянула на каждый предмет: поздравительная открытка с малышом в колпаке Санты от одного из выпускников, рекламный проспект фитнес-клуба, счет за телефон, счет за газ, каталог «Л. Л. Бин». После этого она вернулась к дивану, допила чай, поставила фотоальбомы на полку и села. Тишину в доме нарушали только тиканье часов и редкий отрывистый свист пара в батареях. Элис посмотрела на часы. Прошло пять минут. Вполне достаточно.

Не глядя на почту, она сказала вслух:

– Открытка с малышом в колпаке Санты, приглашение в спортклуб, счета за телефон, за газ, очередной каталог «Л. Л. Бин».

Проще простого.

Но если честно, промежуток времени между тем моментом, когда она услышала адрес Джона Блека, и тем, когда ее попросили его вспомнить, был гораздо больше, чем пять минут. Следовало увеличить интервал.

Элис схватила с полки словарь и сформулировала для себя два правила по выбору слов. Так как ее целью было не заучивание новых слов, а проверка краткосрочной памяти, слово должно быть знакомым, но при этом она не должна была часто его употреблять. Она раскрыла словарь на случайной странице и указала пальцем на слово «берсерк». Написав его на листке бумаги, Элис сложила листок, убрала его в карман брюк и установила будильник на микроволновке на пятнадцать минут.

У маленькой Лидии была любимая книжка – «Бегемот-берсерк»¹¹. Элис стала думать о рождественском обеде. Запищал таймер.

Берсерк.

Сомнений нет, не понадобилось даже сверяться со шпаргалкой.

Элис продолжала играть в эту игру в течение всего дня, увеличила количество слов до трех, а промежуток времени – до сорока пяти минут. Несмотря на повышенную степень сложности и большую вероятность того, что приготовление обеда уведет ее память в сторону, она ни разу не ошиблась.

Стетоскоп, миллениум, дикобраз.

Она приготовила равиоли с рикоттой и красный соус.

Катод, гранат, шпалера.

Нарезала салат и замариновала овощи.

Львиный зев, документальный фильм, устранять.

Положила ростбиф в духовку и накрыла стол в столовой.

Анна, Чарли, Том и Лидия расположились в гостиной. Элис слышала, что Анна и Джон спорят. Из кухни она не могла разобрать, о чем они говорят, но, судя по интонациям и повышенным голосам, это был спор. Возможно, о политике. Чарли и Том помалкивали.

Лидия мешала на плите морс и рассказывала об актерских классах. Поскольку приходилось сосредоточиваться на готовке обеда, словах для запоминания и Лидии, у Элис не оставалось сил для возражений или неодобрения. Лидия, так как ее не перебивали, произносила воодушевленный монолог о том, чем она занималась. Элис, несмотря на предвзятое отношение к выбору дочери, обнаружила, что ей это интересно.

– И после всего увиденного задаешься вопросом Илии: «Почему в эту ночь, а не в другую?»

Запищал таймер. Лидия отошла в сторону, и Элис заглянула в духовку. Она довольно долго разглядывала недожаренное мясо, даже лицу стало жарко.

¹¹ Книга американской детской писательницы и книжного иллюстратора Сандры Бойнтон.

О!

Это был сигнал вспомнить три слова «из кармана».

Тамбурин, змея...

– Повседневная жизнь не рутина, на кону всегда жизнь или смерть, – сказала Лидия.

– Мам, где штопор? – крикнула Анна из гостиной.

Элис изо всех сил старалась игнорировать голоса дочерей, которые ее разум был приучен слышать поверх всех звуков на планете. Она сконцентрировалась на собственном внутреннем голосе, который, как заклинание, повторял эти два слова.

Тамбурин, змея, тамбурин, змея, тамбурин, змея.

– Мам! – позвала Анна.

– Я не знаю, где он, Анна! Я занята, поищи сама.

Тамбурин, змея, тамбурин, змея, тамбурин, змея.

– Если хорошо подумать, то все всегда сводится к выживанию. Чего мне не хватает, чтобы выжить, и что произойдет, если мне это не удастся? – продолжала Лидия.

– Лидия, прошу тебя, я не хочу сейчас об этом слушать, – резко оборвала дочь Элис и сжала влажные от пота виски.

– Хорошо.

Лидия повернулась к плите и стала энергично размешивать морс. Наверное, обиделась.

Тамбурин, змея.

– Никак не могу найти! – снова крикнула Анна.

Компас! Тамбурин, змея, компас.

Расслабившись, Элис начала выкладывать продукты для пудинга с белым шоколадом: ваниль, пинта жирных сливок, молоко, сахар, белый шоколад, хала и две картонные упаковки по половине дюжины яиц в каждой.

Дюжина яиц?

Если листок с рецептом мамы еще и существовал, она не знала, где его искать. Уже много лет он был ей ни к чему. Простой рецепт, лучше, чем рецепт творожного пудинга Марти, и она с юности готовила по нему каждое Рождество. Сколько яиц? Должно быть, больше шести, иначе она достала бы только одну упаковку. Семь, восемь, девять?

Она на секунду отвлеклась от яиц, но другие ингредиенты тоже ни о чем ей не говорили. Надо использовать все сливки или отмерить какое-то количество? Сколько сахара? Смешать все сразу или в определенном порядке? Какой взять противень? При какой температуре печь и как долго? Ни малейшей подсказки. Информация просто стерлась из памяти.

Что, черт возьми, со мной происходит?!

Она снова посмотрела на яйца. По-прежнему ничего. Она ненавидела эти проклятые яйца. Взяв одно, со всей силы бросила его в раковину. Одно за другим Элис перебила все. Это принесло некоторое удовлетворение, но надо было уничтожить что-то еще, для чего потребовалась бы физическая сила, чтобы этот процесс ее утомил. Она оглядела кухню. Глаза Элис сверкали от ярости, и тут она встретилась взглядом с возникшей на пороге кухни Лидией.

– Мам, что ты делаешь?

Битье яиц не ограничилось одной раковиной. Осколки скорлупы и желток разлетелись по стене и столешнице, а по дверцам шкафчиков, словно слезы, стекал белок.

– Яйца просрочены. В этом году пудинга не будет.

– Перестань, сочельник не может быть без пудинга.

– Яиц больше нет, а у меня уже нет сил торчать в этой душной кухне.

– Я схожу в магазин. Иди в гостиную, отдохни, я приготовлю пудинг.

Элис прошла в гостиную, ее трясло, но волна дикой злости схлынула, она не могла понять, что испытывает – опустошенность или признательность. Джон, Том, Анна и Чарли

беседовали и пили красное вино. Видимо, кто-то все же нашел штопор. Лидия в пальто и шапочке заглянула в комнату.

– Мам, а сколько яиц покупать?

Январь 2004 года

У нее были веские причины отменить назначенные на утро девятнадцатого января визиты к нейропсихологу и доктору Дэвису. Экзаменационная неделя осеннего семестра в Гарварде выпала на январь, когда студенты вернулись после зимних каникул. Последний экзамен в классе по когнитивизму, который вела Элис, был назначен именно на это утро. Ее присутствие не было так уж важно, но она любила это ощущение на экзамене, когда видишь весь путь, который твои студенты прошли от начала до конца курса. С большой неохотой она договорилась с коллегой о подмене. Но главной причиной было то, что девятнадцатого января тридцать два года назад погибли ее мама и сестра. Элис не считала себя суеверной, как Джон, но никогда в этот день она не получала добрых известий. Она даже попросила администратора назначить визит на какой-нибудь другой день, но выбор был невелик – либо девятнадцатого, либо через четыре недели. И она согласилась. Ждать целый месяц ей совсем не хотелось.

Элис представляла себе студентов, то, как они нервничают и стараются быстро заполнить графы ответов на вопросы в синих экзаменационных книжках. Как они надеются, что краткосрочная память, плотно загруженная знаниями за семестр, их не подведет. Она отлично понимала, что они чувствуют. В это утро ей дали всевозможные нейропсихологические тесты. Тест Струпа, цветные прогрессивные матрицы Равена, ментальная ротация Шепарда, бостонский тест наименований, тест Векслера «WAIS-R» (раздел «Последовательные картинки»), тест зрительной ретенции Бентона, тест Нью-Йоркского университета на семантическую память – все они были ей знакомы. Их разработали для выявления слабых мест во владении языком, кратковременной памяти и логических процессов. Вообще-то, она не раз бывала на таких тестах в качестве объективного контроля над работами аспирантов. Но сейчас она не осуществляла контроль, а проходила их сама.

На копирование и повторы, систематизацию и присваивание имен ушло почти два часа. Как и студенты, которых она себе представляла, после тестов Элис почувствовала облегчение и была уверена, что справилась с испытанием. В кабинет доктора Дэвиса ее проводил нейропсихолог. Элис устроилась в одном из кресел, стоявших прямо напротив доктора, который посмотрел на пустое кресло и вздохнул. Он еще не заговорил, а Элис уже поняла, что у нее проблемы.

– Элис, разве мы с вами в прошлый раз не договаривались, что вы придете не одна?

– Договаривались.

– В нашем отделении есть условие: пациент приходит на прием с человеком, который его хорошо знает. Я не смогу вам помочь, если у меня не будет точной картины того, что с вами происходит. А без такого человека я не могу быть уверен, что владею нужной информацией. В следующий раз, Элис, никаких отговорок. Вы согласны?

– Да.

В следующий раз. Облегчение и уверенность, которые появились после того, как она сама оценила свои тесты по нейропсихологии, бесследно исчезли.

– Теперь, когда у меня есть результаты ваших тестов, мы можем двигаться дальше. Я не вижу никаких отклонений в МРТ. Никаких признаков церебрально-сосудистых заболеваний, ни намек на микроинсульт или гидроцефалию. Тут все отлично. Ваши анализ крови и люмбальная пункция также дали отрицательный результат. Я искал диагноз, который подходил бы к вашим симптомам. И теперь мы знаем, что у вас нет ВИЧ, нет рака, вы не страдаете авитаминозом, митохондриальными или другими редкими заболеваниями.

Речь доктора была гладкой, очевидно, ему не первый раз приходилось говорить нечто подобное. То, что у нее нашли, всплывет в самом конце. Элис кивнула, давая понять, что следит за его словами и он может продолжать.

– Что касается внимательности и таких вещей, как абстрактное мышление, пространственное восприятие и плавность речи, то тут ваш процентиль равен девяноста девяти. Но к сожалению, я заметил следующее: у вас непропорциональное относительно вашего возраста ухудшение кратковременной памяти и, соответственно, снижение уровня активности. Я понял это из вашей собственной оценки проблемы и вашего же описания того, как этот спад влияет на вашу профессиональную деятельность. Кроме того, я лично был тому свидетелем, когда вы не сумели повторить адрес, который я попросил вас запомнить во время нашей последней встречи. И хотя сегодня вы были практически безупречны в большинстве когнитивных областей, но, выполняя две задачи, касающиеся краткосрочной памяти, вы продемонстрировали значительную вариативность. В решении одной из задач ваш процентиль снизился до шестидесяти. Таким образом, Элис, я прихожу к выводу, что ваше состояние, вероятно, соответствует критериям болезни Альцгеймера.

Болезнь Альцгеймера.

От этих слов у нее перехватило дыхание. Как он сказал? Элис мысленно повторила слова доктора. *Вероятно.* Это дало ей силы дышать и вернуло способность говорить.

– Вероятно. Это значит, что мое состояние может и не соответствовать критериям болезни.

– Нет. Мы используем термин «вероятность» только потому, что в наше время единственный способ поставить диагноз «болезнь Альцгеймера» – это гистология мозговой ткани, для чего требуется либо аутопсия, либо биопсия. Ни то ни другое вам не подходит. Это клинический диагноз. В вашей крови нет протеинов, которые бы указали на этот диагноз, а МРТ покажет нам атрофию мозга только на более поздних этапах болезни.

Атрофия мозга.

– Но это невозможно, мне всего лишь пятьдесят.

– У вас ранняя болезнь Альцгеймера. Вы правы, мы привыкли к мысли, что это болезнь пожилых, но у десяти процентов больных, кому меньше шестидесяти пяти, диагностирована ранняя форма болезни.

– Чем она отличается от обычной?

– Отличий нет, если не считать, что, как правило, это передается генетически и проявляется гораздо раньше.

Передается генетически. Анна, Том, Лидия.

– Но если вы уверены лишь в том, чего у меня нет, как вы можете утверждать, что это «альцгеймер»?

– После того, что вы мне рассказали, плюс ваша история болезни и тесты на ориентацию, регистрирование, внимание, речь и воспоминание, я был уверен на девяносто пять процентов. А после того как неврологическое обследование, анализ крови, люмбальная пункция и МРТ ничего не объяснили, отпали последние пять процентов. Я уверен, Элис.

Элис.

Звук собственного имени проник в каждую ее клетку и, казалось, выбил все молекулы за пределы тела. Элис наблюдала за собой из противоположного угла комнаты.

– И что это значит? – услышала она собственный голос.

– Сейчас в нашем распоряжении есть два препарата для лечения «альцгеймера», и я хочу, чтобы вы их принимали. Первый – арисепт. Он поддерживает холинергическую активность. Второй – наменда. Его одобрили только этой осенью, очень многообещающий препарат. Эти лекарства, конечно, не исцеляют, но могут замедлить прогрессирование симптомов, а мы хотим отвоевать для вас как можно больше времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.